
САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александра Огневич

Монтана

«Автор»
2026

Огневич А.

Монтана / А. Огневич — «Автор», 2026

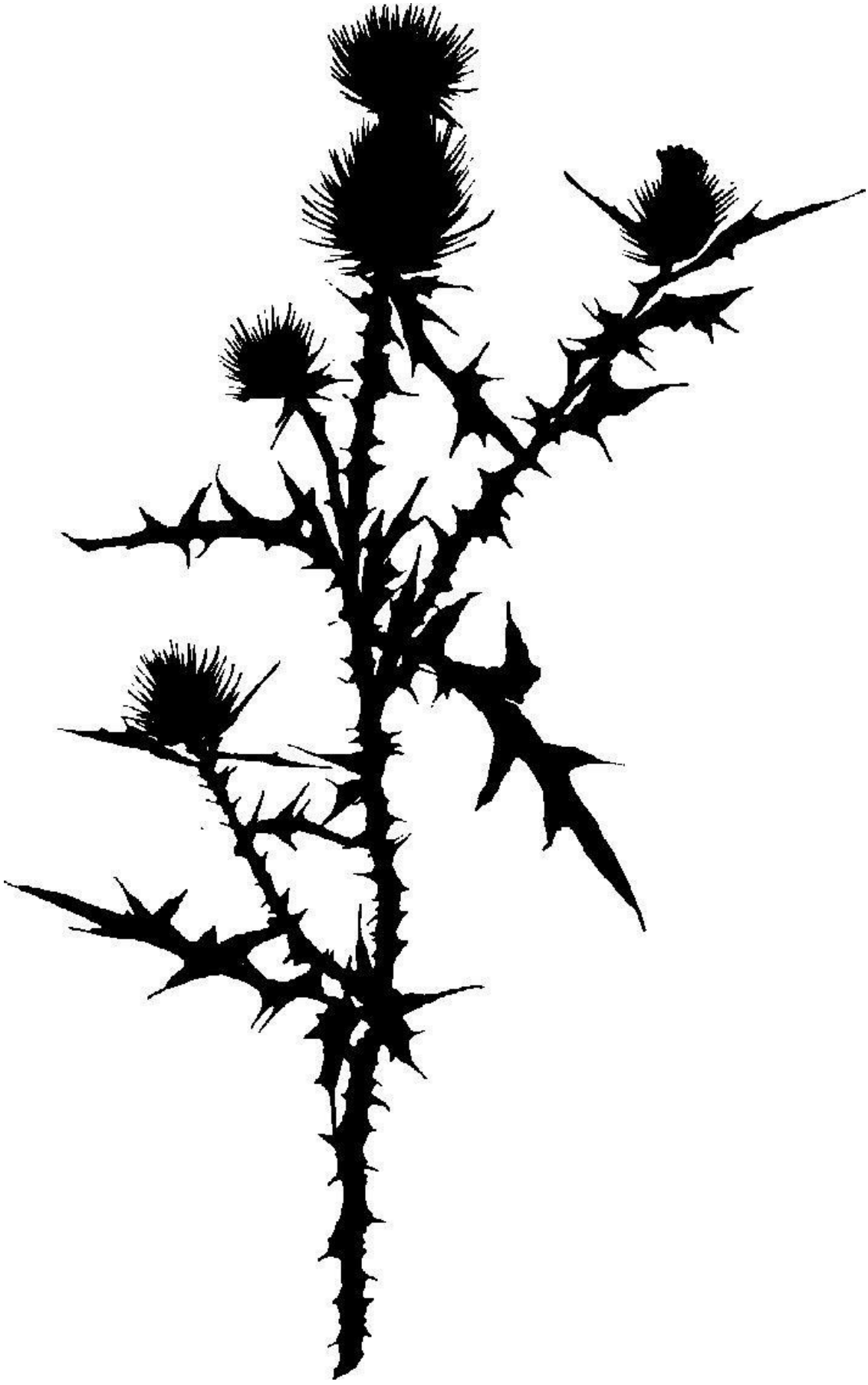
Монтана Лейн давно мечтала жить в трейлере, чтобы увидеть мир без границ. Однажды в бурю Монтана встретила трех путников. Маленькая помощь им обернулась недобрым продолжением: Монтана оказалась во власти трех опасных незнакомцев, у которых есть свои страшные тайны.

© Огневич А., 2026
© Автор, 2026

Александра Огневич
Монтана

Монтана

ПРОЛОГ



Long Cigarette — Ruin of Romantics

Hollow and cold under the sun
They read on feet like a child
In the sun.

— Ах ты, чёрт! — выругалась она, притормозила у обочины и озарила жёлтым светом фар крышу машины, съехавшей в глубокий кювет.

В последние два часа поднялся сильный ветер. Он принёс с собой косой холодный дождь и чёткое понимание, что нужно быстрее добраться до полицейского участка в Кат-Бэнк-Крик, где Монтана планировала переночевать. Ночь предстояла непогожая, смурная, холодная. Монтана прикидывала, сколько осталось ехать — ну не больше часа точно, но не стала добавлять скорости на опасном участке дороги, и сделала верно: проехав ещё две мили, наткнулась на аварию. Когда её старенький пикап «Тойота Такома» бросил пятно света в кювет, Монтана поняла, что есть пострадавшие: во всяком случае, один мужчина сидел прямо в высокой траве, подмяв её под себя и массируя лодыжку, а двое других кое-как домкратом поднимали увязшую в липкой, густой грязи тачку — бордовый Шевроле Каприз.

Каприз! Чёрт возьми, куда они ехали на этом красавце-паркетнике — гонять местных куриц? Он точно не годился для дальних переездов по осенней непогоде здесь, на подходе к Глейшер-парку! Да с их-то клиренсом дальше пяти миль по дороге Вслед за солнцем не тронуться! Хотя, кто их знает, может, они туда и не собирались вовсе.

Хотя что тут ещё делать, в такой-то глуши?

Шевроле Каприз был настоящим кораблём, роскошным, богатым, пусть и непрактичным — и тачкой с характером. Монтана с глубоким вздохом, полным сочувствия, оглядела его хищную морду, забрызганную грязью, и такое же смачно испачканное лобовое стекло. Двое мужчин возле него отчаянно ругались, пытаясь перекричать ветер. Третий мрачно сидел шагах в пяти от Шевроле, поглядывая на большой чёрный джип Монтаны. А она заприметила буксировочный трос, который они туго обвязали вокруг раскидистого старого дерева, растущего на краю дороги — почти единственного на этом участке; остальные были так, совсем уж чахлыми. Монтана уже догадалась, что мужчины намотали один конец троса на ведущее колесо, а другой — на ствол, но вряд ли им это помогло: Каприз крепко увяз в грязи, и хуже того — сам он вряд ли выехал бы, даже спляши эти ребята вокруг него индейский танец.

Потому, что на подходе к горным курортам на Шевроле Каприз ездят только идиоты. И потому, что по радио ещё вчера вечером говорили про холодный фронт с Атлантики. Монтана знала: её старичок Такома сдюжит с непогодой и дотянет трейлер до Кат-Бэнк-Крик — маленького городишки, где можно было спокойно встать на ночь. Останавливаться на сотой миле Великой равнины, где далеко вокруг простирались только дорога и пустота, желания не возникало.

Монтана смотрела, как мужчины тратят время и энергию на домкрат, понимая, что тут поможет только хороший, мощный тягач.

Ведь у Каприза было одно спорное, но визуально эффектное решение, которое, как полагала Монтана, стало причиной того, что он так намертво встрял. Решение это — закрытая арка задних колёс, утопленных под бордовые глянцевые щитки. Подобраться к ним в темноте, в грязи по колено и при усиливавшемся ветре, грозившем перерасти в шквалистый, было почти невозможной задачей. А тот, кто подобраться попытался, скорее всего, сидит теперь на траве и держится за ногу.

Только предположив это, Монтана даже не представляла, насколько метко попала в цель.

Монтана не стала глушить мотор, поставила пикап на ручник и, положив в карман парки шокер из ящика для перчаток, прикрикнула на Малышку, забрехавшую на соседнем сиденье:

— Тихо, девочка! Тихо!

Монтана спрыгнула на дорогу и едва не поскользнулась, вовремя ухватившись за дверь пикапа. Ух, скользко! На дорожное полотно налило воды, подмёрзшей из-за ледяного ветра, и это в конце сентября! Было только восемь часов, но небо заволокло дымной мглой. Ветер быстро гнал тучи по свинцовому небу, словно чёрные пиратские паруса, разбивая их в ничто дождём. Дождь хлестал наискосок, и где-то вдали заворочались тревожные раскаты последней грозы.

— Эй! — крикнула Монтана и накинула на голову капюшон парки. — Эй!

Она вбежала в столб света от джипа и помахала рукой двум мужчинам. Те оживились, бросив инструменты, и поплелись по грязной чёрной жиже на траву, кое-как добираясь до косогора.

Они теперь стояли внизу кювета, а Монтана глядела на них сверху, козырьком прикрывая глаза от ливня.

— Ребята, помощь нужна?

— А? — сильно сощурившись, не расслышал тот, что с короткой стрижкой.

Оба были в кожанках, оба продрогли. Всё ясно, хозяева под стать Капризу. Абсолютно неподготовленные к долгим переездам по равнине парни в сапогах вестерн и сыромятных куртках. Откуда они здесь вообще взялись?

Может, ехали из Харлоу в Кат-Бэнк-Крик и попали в беду?

— Помощь нужна? — громче спросила Монтана.

— Нет! — крикнул молодой.

— Да! — крикнул тот, что с длинными мокрыми патлами, хлеставшими по груди.

И оба, переглянувшись, рассмеялись. Монтана, держа в кармане руку, на всякий случай сжала ручку шокера.

— Нужна, конечно! — молодой отряхнул руки и показал на Каприз. — В темноте пропустили поворот.

— Здесь нужно строго следить за ними. Потому что нет светоотражателей.

— Мы просто нырнули сюда, — выкрикнул патлатый. — В настоящее чёртово болото!

— Не получается вытянуть тачку тросом?

— Нет, — патлатый сделал несколько широких шагов в сторону, поманил Монтану. — Смотри. Вот, видишь? Тут асфальт поплыл, мы и нырнули мордой вниз. Мой друг — он запаниковал и попытался развернуться. Дрифтанул так, знаешь…

— Ага.

— И короче, мы очень крепко увязли. Особенно задницей.

— Я вижу. — Монтана сунула руки под мышки, пытаясь их согреть. — А что вон с тем парнем?

— Он пытался подложить ветки под колёса…

«Наконец-то кто-то хотел сделать что-то умное» — подумала Монтана.

— …но провалился в грязь, а там у него ногу затянуло под колесо. Короче, то ли вывих у него, то ли перелом, мы не можем понять.

— Хотя бы посадили его в тачку!

Патлатый рассмеялся, и, насколько Монтана могла увидеть в темноте, улыбка у него была весьма добродушной:

— Сначала так и сделали, но потом вытащили вообще всё их тачки, чтобы её как-то вытянуть. Но что-то пока не получается.

— Думаю, и не получится, — Монтана придержала капюшон, который едва не сорвало ветром, и прокричала. — Цепляйте трос к моему пикапу…

— Что?

— Я говорю: цепляйте трос к пикапу! Надо будет снять трейлер. Поможете?

— А, конечно!

Он закивал, начал карабкаться по скользкому косогору. Монтана подала руку, но, конечно, её сил не хватило бы, чтобы его вытащить. Он сам ловко выбрался наружу, только раз припав на колено в размокшую почвенно-травяную жижу и, отряхивая джинсы, рысью побежал к трейлеру вместе с Монтаной.

Чтобы отцепить трейлер, нужно было заняться лафетом, закреплённым на фаркопе джипа. Монтане одной было трудно справиться с этим даже в хорошую погоду, не торопясь, не говоря о буре: под ливнем и она, и патлатый вдвоём кое-как сдюжили, сносимые сильным ветром по скользкой дороге. В салоне Такомы опять забрехала Малышка.

— Ух! — патлатый из-за лая подскочил на месте. — У тебя там собака, что ли?

И вгляделся в запотевшее окно. Монтана усмехнулась.

— Обычно она не кусается, не трясись.

— Обычно! — развеселился тот. — Ты пока подгони джип поближе, а я притащу буксировочный трос.

— Давай.

Монтана села за руль и, подумав, на всякий случай заперлась. Она — мокрая, хоть выжимай! — смотрела мужчине в спину, задумчиво наблюдая за тем, как он скользит вниз, в кювет, и объясняет молодому, что они собираются сделать.

Затем, подрубив габариты, подъехала так, чтобы трос закрепили за буксировочные проушины. Пока двое мужчин возились с тачками — один с Такомой, другой с Капризом, третий продолжал страдать под дождём. Монтана подумала: может, стоит завести его в трейлер? Потом засомневалась. Добро — оно, мать вашу, такой непонятный предмет. Может вернуться, но совсем не в той форме, на которую рассчитываешь. В конце концов, их трое, и она их не знает. Сейчас отбуксирует, а дальше пусть делают, что хотят. Не её это проблема, по большому счёту. Просто дорога прямая и длинная, и проехать мимо было бы верхом бесчеловечности.

— Мы много времени здесь не потеряем, — убеждённо сказала она Малышке, своей немецкой желто-чёрной овчарке, и та, словно всё поняв, жалобно проскулила, дёрнув большими треугольными ушами. — Хорошая моя девочка, хорошая. Сиди спокойно.

К водительскому окну подбежал патлатый и, щурясь, постучал в стекло, умытое дождём. В салоне было не особенно слышно, что он крикнул, но Монтана разобрала по губам — «давай!». Ну, она и дала.

На Капризе включили ближний свет. Он жалобно дёрнулся в мутной жиже там, внизу, когда Монтана мягко нажала на педаль газа и поехала вперёд. Её джип красавцем не был: он был рабочей лошадкой, чёрной, немаркой, но мощной лошадкой — такой, которая принадлежала ещё её отцу. Па позже сменил машину на Субару, перестал ездить в походы и бросил курить: по мнению Монтаны, мама всё-таки победила его и укротила неукротимый дух — ну, что ж, ей это было на руку, потому что прицеп и Такома теперь принадлежали ей. Она знала, что под этим исцарапанным, старым корпусом с едва заметной вмятиной на правом крыле — следом от удара Доджа, который мчался на них с отцом с моста со скоростью, явно превышавшей допустимую — скрывался мощный движок и бодрое сильное сердце, и что для её малыша Такомы вытянуть эту новомодную колымагу как нечего делать.

— Ну, давай, — подбодрила его Монтана, а Малышка звонко гавкнула, будто бы тоже поддерживая.

С громким, утробным рыком пикап поехал по дороге, разбрызгивая лужи, скопившиеся в неровностях асфальтовой подушки. Он упрямо пёр вперёд, хотя Шевроле пытался утянуть и его за собой. Джип не поддавался. Монтана по вибрации руля под пальцами почти чувствовала, как ему нелегко и как глубоко встрял этот грёбаный Каприз. Но Такома был сильнее грязи, ветра, дождя, непогоды и ещё многих вещей, способных повстречаться ему на этой дороге или на любой другой — и он не подвёл свою хозяйку. Дюйм за дюймом, он тащил Каприз уже по траве, налипшей на колёса и забившейся под красивые щитки, и наконец выкатил его на

дорогу. У Монтаны затеплилось в груди, когда Каприз моргнул фарами, задрав морду вверх на косогоре, а потом вкатился по обочине и выехал на дорогу, всю тёмную и зеркально-гладкую из-за дождя.

Сражение длилось не меньше пятнадцати или двадцати минут, и парочка помогала его выиграть — подкладывала ветки, найденные у посечённого ветром дерева, толкали Каприз в угловатую бордовую задницу, а главное — не мешались, когда надо.

Монтана остановила пикап, поставила его на ручник и выбежала под дождь: капли забарабанили по макушке её капюшона.

— Ну, что? Всё в порядке?

— Чёрт возьми, да! — крикнул патлатый и бросился к ней, чтобы пожать руку.

Когда он затряс её ладонь в тёплом и безотчётно искреннем желании отблагодарить, Монтана не сдержалась и ответила улыбкой, похлопав его по плечу:

— Поможете мне прицепить обратно трейлер?

— Конечно, конечно! Эй! — и он подозвал к себе друга. Тот, правда, стоял у края дороги, пытаясь спуститься за товарищем, оставшемся внизу. — Погоди-ка, я на минутку. Помогу им.

— Без проблем.

Вдвоём они помогли ему доковылять до Каприза. У мужчины насквозь промокла дублёнка и были порваны джинсы, и выглядел он, надо сказать, жалко. Волосы облепили широкое лицо, на котором застыла мученическая молчаливая гримаса. Монтана засуетилась:

— Аптечка есть? Здесь недалеко город. Можете отвезти его туда, уверена, там есть медпункт или что-то вроде того…

— Не надо, — отмахнулся молодой, со старомодной стрижкой, которая почему-то напомнила Монтане фильм «Бриолин». — Сейчас мы его подлатаем.

— Вообще-то она дело говорит, — хмуро заметил пострадавший. — Где у нас аптечка?

— Чего?

— Аптечка, говорю, где?

Мужчины бросили его и отошли к Шевроле, полезли в салон и в багажник. Их товарищ, мокрый, как мышь, мрачно, исподлобья наблюдал за ними. На его лице Монтана явно читала: «Вот идиоты».

Впрочем, она думала примерно то же самое.

— Пойдём, мы их вряд ли дождёмся, — она предложила ему своё плечо. — Можешь на него опереться.

— Я сам дойду, — парировал он.

— Ну ладно, ладно, как скажешь.

Она не повела его в трейлер — ещё чего — но открыла заднюю дверь джипа и помогла усесться. Впрочем, он отвёл её руку и сел сам, однако тут же замер, потому что на него с переднего сиденья с ворчанием взглянула Малышка.

— Девочка, фу! — скомандовала Монтана. — Не беспокойся, она не тронет.

— Хорошо бы, — с сомнением сказал раненый. — Ну что там они, нашли аптечку?

— Чёрт с ними, лучше закатай джинсы и сними ботинок.

Он всё исполнил, не став ни торговаться, ни переубеждать: Монтане так стало только легче — не нужно никого уговаривать. С другой стороны, вёл он себя не слишком-то вежливо для человека, которого пытается подлатать незнакомка с трассы.

«Но он об этом и не просил» — рассудила Монтана, достав аптечку и присаживаясь на корточки перед высокой ступенькой джипа, на которую мужчина опустил ногу в одном носке — конечно, грязном и насквозь мокром. В его ботинках хлюпала настоящая сырая каша.

— Я понимаю, конечно, что правильно было бы предложить лёд, — сказала Монтана. — Но, ей-богу, у меня ничего такого нет. Хотя…

Она вспомнила про холодильник и мороженую рыбу для Малышки — её любимое лакомство. Мужчина поморщился:

— Ничего не надо. Тут достаточно повязки или чего-то в этом духе.

Монтана покачала головой, потому что этого явно было недостаточно, что бы он ни говорил — и сняла носок, положив его на порожек машины.

— Его надо просто выкинуть, — заметил её неугомонный пациент.

Монтана взглянула на него снизу вверх, и глаза у неё вспыхнули, как два маленьких уголька:

— Давай ты будешь командовать немного погодя, ладно? Я пытаюсь вспомнить, как правильно накладывать тугую повязку.

— Просто отдай мне бинт, и я всё сделаю сам.

Нога уже здорово отекла, стала багрово-синюшной, и у отростка берцовой кости — выпуклой косточки на лодыжке — очевидно деформировалась. Только тогда Монтана сообразила, что без доктора здесь точно не обойтись.

— Что тут у вас? — бодро спросили у неё за спиной.

— Вы нашли аптечку? — спокойно спросил пострадавший, хотя у него по лицу пот катился градом, и он весь был красным и мокрым от боли.

Монтане стало стыдно, что она так говорила с ним: в детстве она вывихивала запястье и помнила ту острую, непрерывно-беспощадную боль, которая долбила каждую клеточку тела, пока отец не вправил ей сустав — оп и готово! Она припомнила даже, что тогда могла дышать с трудом.

Так было больно.

— Ну-ка, дай посмотрю, что у тебя, — авторитетно заявил «бриолин» и улыбнулся. — Эй, мистер. Да тут придётся поработать.

— Иди в задницу, — посоветовал он и сжал зубы. — Будет тут ещё зубоска…а-а-а!

Он вскрикнул, когда «бриолин» резко, умело и профессионально вправил ему сустав на ноге и похлопал по колену:

— Жить будешь. Но не мешало бы помыться.

Мужчина в дублёнке шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла, прижавшись к подголовнику виском. Монтана и двое его друзей стояли под ливнем, посмеиваясь так, словно были врачами хирургического отделения, которые только что провели сложнейшую операцию. И расхохотались уже в голос, когда Малышка вдруг потянулась к мужчине и начала заботливо облизывать его лицо.

— Фу, Малышка, фу! — Монтана толкнула её в широкий лоб, но собака назойливо тянулась к раненому, будто чувствуя, как ему пришлось туго, и слизывая с его щёк солёный пот.

— Ладно, хватит, — буркнул он, но любовно обнял собаку за шею и запустил пальцы в её шерсть. — Она должна тебя охранять или ласкаться со всякими проходимцами, м?

Монтана заулыбалась, ничего не ответив. Но её за плечо тронул патлатый и снова крепко-крепко пожал ей руку, встряхнув в своей:

— Ты нас спасла. Ангел, что ли? Явилась из ниоткуда, мы думали — всё! Утонем тут, нахрен, в этой грязище.

— Нет, я просто оказалась здесь проездом, — мило потупилась Монтана. — Главное, что всё хорошо кончилось. А твой друг не промах.

— Вообще-то, я студент медицинского университета Джона Хопкинса, — небрежно сказал «бриолин», но Монтана по глазам увидела — он этим здорово гордился.

— Это очень здорово, — Монтана сказала это немного с горечью, немного с завистью: сама-то она никуда не поступила после колледжа, хотя очень хотела. — Ладно, ребята, давайте прицепим трейлер, а то я хотела добраться до города и там заночевать.

— Без проблем. Без проблем! — поднял ладони патлатый и светло улыбнулся. — Что ж, мы сейчас всё устроим. Да, ребята? И кстати, раз такое дело, и нас свела дорога, давай познакомимся, что ли?

— Я не против! — Монтана расслабилась. Ею владело приятное чувство: она помогла тем, кто попал в беду. Тем, кто нуждался в этой помощи. Сейчас она была с ними почти что в одной команде, радостная, что всё обошлось. — Монтана Лейн.

— Вот это имя!

— Ага, — она фыркнула. — Папина тема. Он путешественник и ужасный патриот.

— Скажи ещё, республиканец, — подначил «бриолин».

— Скажи ещё, это его трейлер! — добавил патлатый.

А третий, с волосами по плечи и хмурым взглядом, поглаживал Малышку и только хмыкнул.

— Да и да, — заметила Монтана. — Но это лучше, чем Карли. Мама хотела, чтоб я была Карли.

— Это точно! — загоготали мужчины. — Куда лучше! Но да ладно, ладно!

Дождь шёл, не переставая, но ветер стал немного тише. Две машины, сверкая фарами, стояли друг за дружкой. Малышка, вывалив язык, радовалась, что ей чешут загривок.

— Ладно, Монтана, — сказал патлатый. — Я вот — Мескаль. Это — Вермут.

— Здрасьте, — студент медицинского отсалютовал Монтане.

— А этот смурной человек — Текила.

Текила молча поднял руку и сразу уронил её обратно на колено. Монтана криво усмехнулась:

— У вас крутые имена, ребята.

— На этой дороге, — доверительно наклонился к ней Мескаль, — настоящие имена забываются, потому что прошлое остаётся где-то к хренам собачьим оставленным позади. Это там мы мистер такой-то и мистер такой-то, а тут — Мескаль, Вермут и Текила.

— И мне это нравится, — честно сказала Монтана. — На полном серьёзе.

ГЛАВА ПЕР-

Cicada Howl — Cemeteries

A shore against their will
Wake up, she needs her fill
Close your eyes, don't look down
Twist the knife, slow their hearts, feel it pound.

Ночь действительно выдалась на редкость холодной и ветреной. Снаружи бушевал ураган, бросавший потоки дождя в окна трейлера и лобовое стекло джипа. Монтана добралась до полицейского участка как раз в то время, как усилился ветер. Она старалась не думать, успели ли уехать те трое с дороги — потому что сейчас двигаться по шоссе по Великой равнине было бы форменным самоубийством.

Дежурный коп с тонкими черными усиками и в помятой форме разрешил ей встать на штрафной стоянке возле участка. Он также сказал, что тут неподалёку есть мотель, но с собаками хозяин туда не пускает. Монтана, поглаживая за ушами Малышку, с сочувствием заметила:

— Тогда придется придержать денежки при себе. Не могу бросить её одну в трейлере: испугается ещё.

— Это и понятно. Северная Дакота? — и коп, держа в руке фонарик, постучал ногтем по лобовому стеклу джипа с наклейкой «Свобода и союз, сейчас и навсегда, единый и неделимый» в сердечке.

Это был девиз штата. Северную Дакоту соседи еще звали штатом земляной белки и штатом сиу, оно и понятно: на взгляд Монтаны, столько белок и красных не было больше ни у кого.

— Ага. Вест-Фарго.

— Что забыли здесь?

— Хочу поглядеть на Глейшер и прокатиться по Дороге Вслед За Солнцем, — призналась она. — Мы раньше с семьей жили в этих краях.

— Землячка, значит? — коп ухмыльнулся. — Триумфальное возвращение домой?

Для человека, мокнущего под проливным дождем, он был очень болтлив. Монтана медленно кивнула, нарочно помедлив с ответом.

— Ладно, — сдался коп. — Оставайтесь. Если что, справа внизу, у двери, кнопка звонка. Дверь на ночь запираю, но если позвоните, буду тут как тут.

Но ей ни разу за всю ночь не пригодилась кнопка звонка. Лёжа под тёплым одеялом и глядя, как неистовствует и колотит в окна трейлера ураган, Монтана слышала, как тихо скулит Малышка.

Трейлер покачивало, и Монтану покачивало вместе с ним, как в колыбели. Веки смыкал сон. Около двух часов, сморённая дорогой и усталостью, уткнувшись носом в тощую

подушку,
она уснула.

Это было на сто тридцать пятой миле от Кат-Бэнк-Крика. Не все путники успели убраться с шоссе, и они это знали. Кто-то притормозил на обочине на свой страх и риск, возле дорожного знака со светоотражателем. Возможно, в этой машине что-то случилось: вряд ли тот, кто мог бы уехать отсюда по доброй воле, остановился здесь, на дороге Великой равнины, в ливень и ураган.

— Притормози-ка, — велел Вермут и потёр руки. — Какие-то лохи тут встряли.

— Как мы тогда, — подколол Мескаль и ухмыльнулся.

Он теперь был за рулём. Вермут, молодой гордец с большим эго — неясно, что было реально больше, его эго или его член — вскинул подбородок и процедил:

— Слушай, мексиканская обезьяна, я говорю тебе, остановись. Мне хочется с ними потолковать.

— Я будто бы против, — равнодушно бросил Мескаль и включил поворотник. — Толкуй.

Он был такого рода человек, что его можно обругать до пятого колена и костерить по такой-то матери — а ему до этого дела нет. Усмехнётся и дальше пойдёт. Вермут же был в азартном предвкушении. Он положил локоть на ручку двери, хищно, исподлобья глядя на тачку, по которой хлестал ливневый поток.

— Вроде, их там двое, — Мескаль осторожно вытянул шею, вглядываясь в мутные окна.

— Вроде, нас здесь трое, — бросил Вермут.

В мотеле в Салише его грубо отбрила девчонка, у него явно зудело — и не от желания кого-то трахнуть, а от желания кому-то вмазать. Вермут терпеть не мог, когда ему грубили и когда его прокатывали. Ну как же! Его не могут прокатить и оставить ни с чем, он среди них троих — лучший! Он лучший в принципе. Среди всех.

Студент медицинского университета, бакалавр, сынок богатеньких родителей, владелец Шевроле Каприза и чувак, который за всё платил. Его чековая книжка неустанно работала до тех пор, пока Текила не посоветовал быть осторожнее и не сказал обналичить столько-то бабла в банке — иначе «мало ли, что ты решишь сообразить во время своих каникул. Может, ширнуться. Может, выкурить косячок. Может, нарушить пару правил дорожного движения или подраться с каким-нибудь ублюдком в баре». Чек или карточка — это серьёзный финансовый след, по которому можно выйти в два счёта на кого угодно, а кэш, если не меченый, такой подлой привычки не имеет. Текила знал, о чём говорил: он сидел за что-то несколько лет, точно ни один из них не знал — он не распространялся, а вышел прошлой зимой, и вот теперь скитался вдали от дома в поисках то ли работы, то ли компании.

Мескаль тогда с ним быстро согласился. Его самого подцепили в Пуэбло, штат Колорадо. Он сломал о спину какого-то местного здоровяка бильярдный кий и голосовал на дороге с огромным фонарём под глазом. Во втором дне его рюкзака травки было — завались, всю за год не выкурить, и Вермут подобрал его первым. Потом уже, севернее, к ним подсел Текила.

Вермут был из них самым чистеньким, он это знал: родители постарались пригладить ему пёрышки по всем законам Соединённых Штатов. Для этого пришлось многое сделать. Хорошо заплатить присяжным, найти человека, знакомого с судьёй. Девочке, которая пострадала («якобы пострадала», говорил адвокат Вермута — Нил Пилсон, полный и потный мужчина сорока пяти лет, страдающий лёгкой формой ожирения и одышкой, но в деле своём он был — акула), оплатили пластику. Родителям намекнули, что дело лучше замять.

Родители у Вермута — светила в хирургии. Неудивительно, что он пошёл по их пути, но в дороге где-то заблудился, когда хорошенько поработал кулаками над сучкой, решившей над ним насмехнуться во время студенческой вечеринки и бросить.

Вермуту посоветовали после суда сделать две вещи. Взять академ на полгода и съехать из Чарлстона, из родительского дома, в загородный домик, где они иногда бывали семьей на Рождество — подышать горным воздухом и развеяться. Мать посоветовала Вермуту относиться

к этому как к каникулам. Отец велел не влипать в неприятности и звонить, когда кончатся деньги.

И Вермут отправился в дорогу, злой на весь мир, и преимущественно на то, что эту суку Нэнси он не забил кулаками до смерти. Только дорога вышла длиннее, чем он думал.

Он чувствовал новый прилив того же желания, которое накрыло его с головой на злополучной вечеринке. Хотелось врезать кому-нибудь, вытрясти из него всё дерьмо, размозжить череп, избить до неузнаваемости, словом — Вермуту нужно было подраться. Он предвкушал всё это, когда Мескаль свернул на обочину. Но вдруг всегда молчаливый Текила высказался:

— Это полная хрень. Надо отсюда убраться.

— Ну ты и ссыкло, — заявил Вермут.

Мескаль хитро покосился на Текилу в зеркало заднего вида и промолчал. На месте дружка, он не стал бы называть ссыклом сидевшего человека, тем более — Текилу. Мескаль видел, как этот парень вёл дела и умел разбираться с проблемами. Однако, если Вермуту хочется, чтоб его поставили на место — что ж, пусть нарывается дальше.

Ему-то, Мескалю, что с этого.

— Это ненормально лезть на рожон возле города, — сказал Текила. — Тут осталось миль восемьдесят. Если кто поедет мимо и увидит, как ты чешешь кулаки о чью-то физиономию…

— Я всё устрою быстро, — отмахнулся Вермут. — Мне это надо.

— Однажды ты за это получишь, — бесстрастно заметил Текила и замолчал, опустив тёмные тяжёлые веки на чёрные непроницаемые глаза, по-индейски миндалевидные. — Белый ты ублюдок.

Вермут расхохотался, но пропустил это мимо ушей. Мескаль остановился возле тачки; ветер был такой, что ни цвета, ни марки не видать. Мескаль догадывался, что те, кто сидит в этой самой тачке, не увидят также особых примет их Каприза: это успокаивало. Так что, когда Вермут вылетел с переднего сиденья и постучал в окно, а ему очень быстро открыли, Мескаль оставался спокоен.

Он вынул из кармана джинсов самокрутку, продул её и неторопливо раскурил, раздымив от зажигалки зиппо.

Ветер заглушал крики человека, которого Вермут выволок в открывшуюся дверь за шиворот. Пареньку было, может, восемнадцать или девятнадцать лет: так-то не разглядеть, особенно в эту непогоду. Он был по пояс раздет, ремень от джинсов свисал в петлях.

— Кто-то там трахался, что ли, — сказал Мескаль и, затянувшись ещё, заинтересованно сощурился. — Ну-ка, есть ли цыпочка…

Текила мрачно молчал, сидя на заднем сиденье. Он оперся руками о колени, наблюдая за тем, как Вермут бьёт парня по лицу. Тот даже не сопротивлялся. Он был полусонный, когда его начали метелить: как-никак, час ночи всё-таки — и потом, когда тебя угощают сильными ударами в голову и живот, оклематься удаётся нескоро.

Если удастся вообще.

Почти сразу из тачки показалась белокурая голова. Девушка, прижимая плед к груди, высунулась с воплями. Нетрудно догадаться, что она орала.

Прекратите. Стойте. Перестаньте. Оставьте нас в покое. Зачем вы это делаете.

Мескаль выдохнул дым, быстро затянулся опять и выкинул сигарету в дождь, приоткрыв дверь.

— Я пойду развлекусь, — сказал он Текиле и многозначительно вскинул брови. — Ты со мной?

Тот пожал плечами, фыркнул:

— У меня нога болит.

— Но не член же.

— Не член, — равнодушно согласился Текила. — Иди, если хочешь. Я после вас.

Вот так они порешили с очередью. Вермут кайфовал не столько от секса, сколько от возможности отлупить кого-то, и Мескаль, выйдя под дождь, первым залез в машину. Там пахло мятным освежителем воздуха; на заднем сиденье гостеприимно лежала подушка. Девчонка завизжала, когда к ней сунулся смуглый, косматый Мескаль, и что-то заворковал на испанском: она не соображала, что именно — в ушах стояли крики Джо, её жениха, которого жестоко отделывали там, под дождем.

Она забилась в угол машины и, дрожа, выставила перед собой канцелярский нож с треугольным тонким лезвием. Мескаль весело усмехнулся и одним быстрым, змеиным движением вырвал его, притянул к себе эту сучку за лодыжку — и лёг сверху, возясь с джинсами.

Текила в Капризе, положив больную лодыжку на спинку водительского кресла, щурился и слышал, как стоны под ливнем превращаются в хрипы, и как в машине брыкается и визжит девчонка. Потом всё стало тише. Он приоткрыл дверь и сумел разглядеть, что Вермут, уже лениво пиная по рёбрам окровавленного, лежавшего на земле вниз лицом юношу, расстегнул ширинку и молча дрочил: ему нравилось насилие и заводили чужие страдания. Текила задумчиво прислонил указательный палец к губам. В машине мелькали тени. Мескаль там явно развлекался: она слегка покачивалась на шинах, и иногда сквозь шум дождя слышались женские крики и плач.

Мескаль почти кончил. Сучка была узкой, сухой, но с этим не беда; когда он разошёлся, как следует, он сам выделил немного смазки, и двигаться стало легче. Держа её связанные ремнём руки наверху, он с ритмичными хлопками быстро входил в неё — и так же быстро выходил, каждый раз ближе к финишу, отчего, знал, ей больнее.

Зато ему приятнее.

Он укусил её за грудь, присосался ко второй. За спиной услышал Вермута — тот заглянул в машину — и бросил:

— Зайди с другой стороны.

Вермут открыл дверь на заднее сиденье, поглядел девчонке прямо в лицо. Она толком не разглядела в такой суете и панике черт ни первого, ни второго — особенно когда тот, что избил её Джо, сунул ей член в самое горло, проволочившись мошонкой по носу.

Когда девчонку едва не стошнило, он приставил к её горлу нож:

— Я тебе глотку перережу, если не сделаешь то, что надо. Поняла?

Она плакала, горло спазматически пульсировало от рвотного рефлекса. Её тело разрывало на части от боли, объявшей каждую клетку, каждую его часть. Перед глазами стояла пелена, и всё, что она слышала — чужое шумное дыхание, далёкие грубые голоса над собой и шум дождя. Она думала только о том, чтобы всё это быстрее прекратилось, и боялась даже краешком мысли касаться того, что будет после.

А после, спустив в неё — один в рот, другой между ног — выволокли её за волосы под дождь, сначала спросив Текилу, будет ли он тоже делать с ней это. Текила покачал головой.

— Неохота, — выкрикнул он из машины.

И тогда девчонка оказалась под дождём, полуголая — в одних только спортивных штанах, спущенных до колен, и задранной майке. Согнувшись пополам, она упала на колени в размокшую грязь и лужи, склонив голову так низко, что кончики её коротких волос, стриженных под каре, мокли, касаясь земли. Мескаль обошёл её кругом и ухмыльнулся:

— Неплохая у ребят тачка.

— Ну её к дьяволу, — буркнул Вермут, застёгивая на джинсах ширинку. — Зажигалка при тебе?

— Ага.

— Дай-ка мне.

Он залез в салон, натолкал в перчаточный ящик и на сиденья каких-то журналов, найденных позади. Бросил туда же подушку, кое-какое тряпьё. Вдруг он увидел в кармашке на кресле водителя уже початую бутылку виски, и в глазах его мелькнуло бесноватое пламя.

Он облил салон, затолкал в бутылку с половиной пойла бумаги, отошёл шагов на семь или восемь, не обращая внимания на парня, ничком лежавшего у заднего колеса, и на девушку: она рыдала взахлёб, раскачиваясь взад и вперёд на коленях. Дождь дробно отскакивал от её худой спины с проступившими позвонками.

— Мне кажется, им холодно! — выкрикнул Вермут и чиркнул зажигалкой у скомканной бумажки. — Пусть согреются!

Мескаль весело рассмеялся. Оба заторопились к себе в тачку. Напоследок Вермут размахнулся как следует и метко бросил бутылку в салон. Тряпьё и журналы, щедро политые виски, быстро занялись. Затем занялось и кресло.

Трое уехали на Капризе, исчезнув в ночной мгле. Дождь стеной отсёк их от загоревшейся машины, и они только увидели дым и столб огня там, позади. И, кажется, кто-то метался там, у самого пламени.

Огонь смотрелся красиво и горел высоко. Текила, который думал только о том, что его видно издалека, надеялся убраться отсюда побыстрее, пока местные не сподобились вызвать легавых. Это, конечно, навряд ли, место удалённое от города, но кто его знает, быть может, в этой глуши тоже есть какой-нибудь треклятый сельский домик или ранчо, или Бог его знает, что ещё. Текила хорошо знал, что копы ловят таких парней, как они, потому что они допускают досадные оплошности и проколы. Почесав щёку, он зевнул и продолжил равнодушно созерцать равнину. С одной стороны, было тревожно. С другой — всё уже произошло, и толку сидеть с поджатой задницей просто нет.

— А чего это ты нос своротил, а? — спросил Вермут, постукивая пальцами по обивке двери.

— Может, у него на блондинок не встаёт.

— Может, он думал, что она недостаточно для него хороша, а для нас — в самый раз?

Мескаль усмехнулся. Вермут однажды нарвётся на неприятности, Господь свидетель. Текила лениво ответил:

— Она не в моём вкусе.

— Охо-хо, не в моём вкусе! — заулюлюкали дружки на переднем сиденье. — Каков принц!

— Вождь, а, вождь, слушай — а кто в твоём вкусе?

— Для кого себя бережёшь-то, Ромео?

Текила покачал головой, но беззлобно. Его все эти шуточки мало волновали. Очень быстро Мескаль перевёл тему:

— Так, сейчас будет развилка через новый въезд в парк или через старую туристическую тропу.

— Я новый не знаю, — сразу сказал Вермут. — Поехали как всегда. Там дорога дерьмо, тащиться дольше, если по карте так посмотреть, и будет неслабо трясти, но приедем, куда надо. И она как раз ведёт подальше ото всех легавых и рейнджеров.

— То есть, в город мы не заедем? — вдруг уточнил Текила.

— Нет. А что, надо?

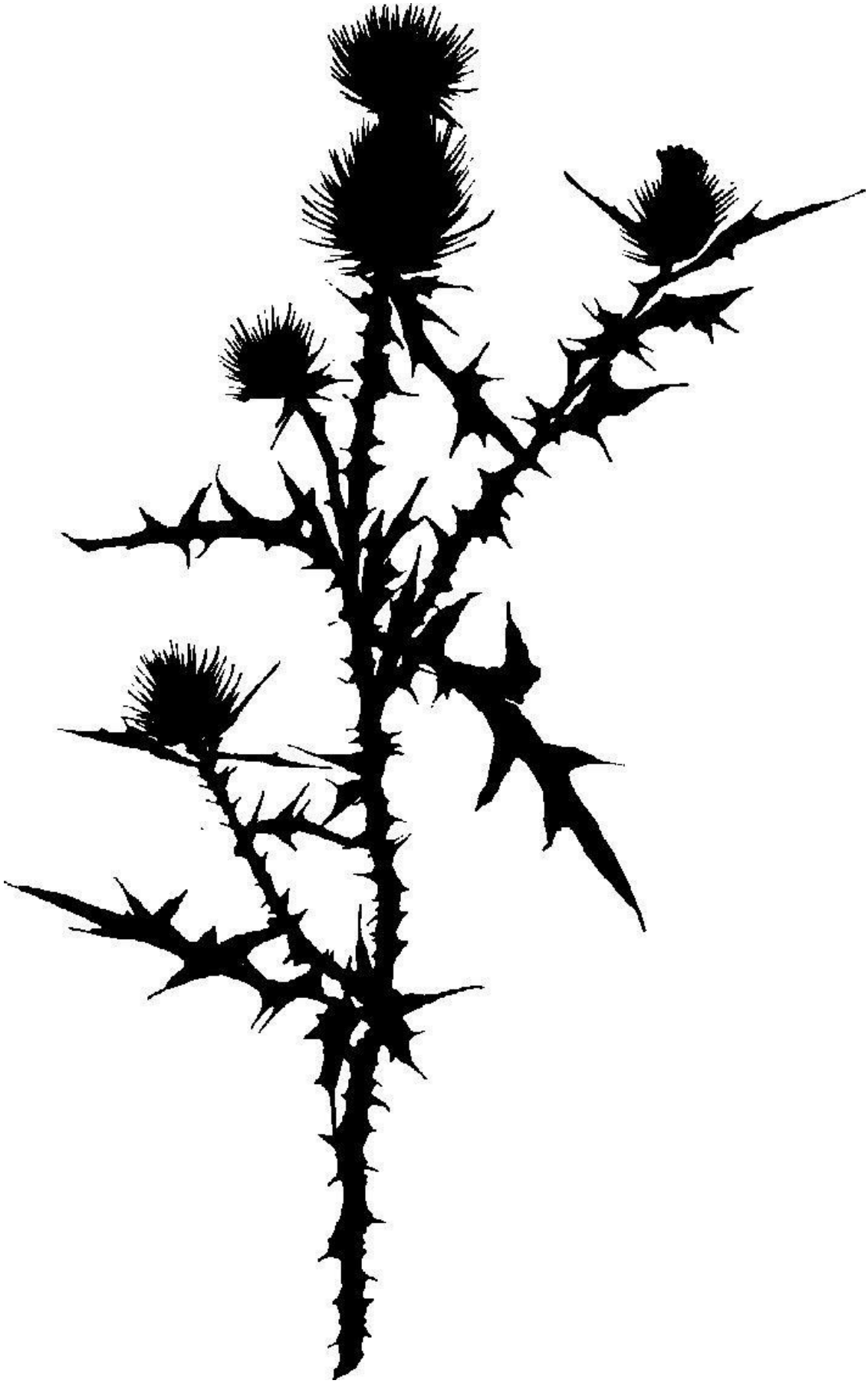
Он скривил рот:

— Да нет. Нахрена?

— Вот и я думаю, нахрена.

Вскоре шоссе впрямь повело в две разные стороны, и Шевроле Каприз свернул вправо, направляясь без ночёвки к Скалистым горам.

ГЛАВА ВТОРАЯ. У ИСТОКОВ РЕКИ СЭНТ-МЭРИС



My Will — Aleah
Free will, what is really?
Is it yours, or is it mine?
My will, what has it come to?
My conclusion, or is it yours?

Кат-Бэнк-Крик просыпался очень рано, как рано просыпался и любой другой маленький туристический город вроде него: летом и зимой, в любое время года, местные ждали подвернувшегося способа поудачнее содрать с туристов деньги за всё, за что можно было найти поводы: за еду в супермаркете, ночлег, завтраки, обеды и ужины, экипировку и снаряжение, бензин, предметы первой необходимости, лекарства и, конечно, сувениры.

На всех футболках и бейсболках были изображены горы и здешний символ — рысь. Рысей в Скалистых горах развелось немало с тех пор, как их промысловый отстрел запретили, а парк Глейшер объявили зоной, запретной для охоты. И, хотя биологи со значимым видом говорили, что популяция канадских рысей в последние годы значительно сокращается, местные егеря, рейнджеры и гиды, таскающие вслед за собой по тропам Глейшера желторотиков — так местные называли туристов — все как один жаловались, что не раз натыкались на следы звериных лап совсем неподалеку от людских стоянок.

Конечно, рысь или пума не станет соваться к парковкам для трейлеров, где по ночам жгут высокие костры, где шумно и пахнет дымом, но волки и даже медведи были здесь не редкостью — и гиды вскоре получили разрешение на ношение охотничьих винтовок с целью самообороны и защиты своих подопечных.

Егеря прекрасно понимали, что один гид с винтовкой никак не защитит группу туристов от кабана, медведя или стаи волков, а потому ставили флажки и помечали территорию со свежими звериными следами, или сообщали гидам по рации, куда стоит повременить с прогулкой.

Бережного Бог бережет, как говорится.

В ту пору, в конце октября две тысячи второго года, было много туристов.

Они ехали в Глейшер, чтобы проводить теплую осень посиделками у костра с зефиром и парой-другой распитых бутылок пива. Многие хотели скататься на ледники, а лучше осени в этом месте было не найти: летом жарило так, что хотелось сесть в какое-нибудь здешнее озеро и не вылезать до самого отъезда.

Осенью же — другое дело.

Погода стояла мягкая, до середины октября в здешних местах царило настоящее индейское лето. Словно прощаясь с людьми до следующего года, персиковое солнце целовало кроны деревьев, убегавшие вдаль, к хмурым хвойным лесам, покрывавшим склоны Скалистых гор. Люди любили провожать здесь последние деньки, любили выезжать на природу с близкими, разбивать трейлерные парки и палаточные лагеря. Кат-Бэнк-Криковцы были совсем не против этого: каждый турист для них — почти золотая жила о двух ногах. И к каждому, пусть их и называли презрительно-ласково желторотиками, да, но относились едва не по-семейному.

В парке Глейшер почти не случалось никаких происшествий. Рейнджеры следили за всем очень тщательно. На туристических маршрутах нареканий не было. Гиды трудились в поте лица, чтоб все желторотики до единого прибыли и отбыли в нужном количестве в нужное время. Туристическая база «Горные львы» работала, как часы: потому, когда на территории, которая только числилась подконтрольной рейнджерам Глейшера, произошла авария на реке Сэнт-Мэрис, местные не захотели это афишировать. В конце концов, от несчастных случаев не защищён никто, тем более, если случай этот произошёл не под присмотром гида. Человек отдыхал в одиночку, и что там было, не мог сказать никто.

Так или иначе, случилось это двадцать восьмого октября. Рейнджер Дуглас МакДугуд ехал на джипе по Северо-Восточной тропе вдоль речной поймы Сэнт-Мэриса и случайно увидел в беспокойных волнах застрявший между камней большой серебристый трейлер. Крышу его лизали холодные речные воды. Сэнт-Мэрис уже давно его обжил. Рейнджер по рации сообщил о своей неприятной — и жутковатой даже — находке, после чего выслали с базы, что на склоне горы Синопа, отряд из двух спасателей на пикапе с ручной лебёдкой. Они полагали, этого должно хватить, чтобы вытащить трейлер, в котором, как надеялся МакДугуд, не было утопленника. Иначе дело приняло бы совершенно другой оборот.

Оборот, который вызвал бы головную боль не только у него, но и у местных копов, которым так или иначе придётся реагировать на вызов рейнджера — а он обязан был отчитаться, что в реке нашли прицеп Сэндтреккер Офф Роуд для бездорожья, со сломанной пружинной подвеской и сбитыми номерами, отдельно от пикапа или джипа, длиной четыре с половиной метра, с автономным аккумулятором. Видимо, его полоскало в Сэнт-Мэрисе немало дней: многие вещи река вымыла и забрала себе, а многие попортила до такой степени, что в трейлер, даже со слитой водой, было почти невозможно зайти — пришлось проветривать, такой стоял стойкий, плесневелый запах. На трейлер завели отдельную бумагу, просмотрели все обращения в полицию или в штаб рейнджеров, но ничего не обнаружили: о пропаже жилого кемпера, тем более, такой марки, никто не заявлял. Ладно. Утопленника поставили на штрафную стоянку полицейского участка. МакДугуд только надеялся, что обойдётся без шесть-шесть-четыре{?} [полицейский код, убийство], чего доброго, тем более, под конец сезона.

И он не прогадал, потому что и впрямь никакого убийства, и никакого шесть-шесть-четыре тем более, не было.

Но был другой код, не менее тревожный, который всполошил бы многих полицейских и рейнджеров вроде него, но поскольку в округе ещё несколько месяцев не появлялось никакой весточки о Монтане Лейн, и никакой сводки с её фотопортретом, как на пакет с молоком, то про код никто не вспоминал. А он был подходящим.

Код сорок пять. Похище-

ние.

Кемпер нашли двадцать восьмого октября, но в реку его спустили гораздо-гораздо раньше, едва не на месяц, в конце сентября две тысячи второго года. Монтана могла бы назвать точную дату, но у неё было туго с ведением календаря, хотя в пищеблоке висел один такой, настенный, с котёнком, повисшим на перекладине и крупной надписью «Держись! А кому сейчас легко?!» — и красным квадратиком, который нужно было передвигать на нужное число. Разумеется, Монтана всегда об этом забывала, как забывала она и регулярно отзваниваться домой. Впрочем, родные к этому уже привыкли — прозвав её «мисс Потом». Любимое слово у Монтаны было — потом!

«Детка, помоешь посуду?» — «Мам, потом!».

«Эй, ты сделала уроки?» — «Потом, Труди, потом! Я еду в кино с подружкой!».

«Ты не хочешь помочь мне с джипом?» — «Пап, не сейчас!».

Если Монтана чего-то не хотела, у неё была масса отговорок, почему «не сейчас» и «потом». А потом, как говорила её мама, это значит, никогда.

Утром восемнадцатого сентября Монтана, переночевав близ полицейского участка города Кат-Бэнк-Крик, вырулила со стоянки около восьми часов. Она ехала на своём пикапе с прикреплённым к нему серебристым старым кемпером. Малышка сидела на переднем сиденье и, вывалив длинный розовый язык, весело глядела в окно. Улицы были умыты ночным ливнем. Погода стояла чудесная, точно не было вчера никакого урагана, который едва не снёс к чёрту их с трассы. Монтана держала одну руку на руле, а другой локоть высунула в окно, напялив на голову папину ковбойскую шляпу. Она была в распрекрасном настроении, даже утром заплела свои длинные чёрные волосы в косы — и помахала парню-газетчику, который уже развёз всю прессу по домам и торопился на велосипеде на почту. Он помахал ей в ответ. До исчезновения Монтаны Лейн, девушки двадцати трёх лет, американки из штата Дакота, но уроженки Монтаны, в честь которой её и назвали, оставалось всего два дня.

А до того она позавтракала в кофейне у Полли Чанел, которой было сорок пять — и она кормила всех, кому лень было готовить или кто путешествовал отсюда в Глейшер, завтраками, ленчами, обедами и ужинами. У Полли была недурственная бюджетная карта, когда покупаешь яичницу или омлет, а тебе в подарок дают выпечку дня — ну, когда что она готовила: тост там, или круассан, или, может, пышку. В день, когда Монтана ела у неё, это была слойка с ветчиной. Кофе можно было хоть залиться: до десяти часов его подавали бесплатно. Монтана выдула три чашки чёрного кофе, хотя думала, в неё не влезет, но чашечки-то были совсем маленькими, а после вчерашнего приключения ей точно нужно было совсем не немного взбодриться. Она читала утреннюю передовицу в газете, которая лежала на металлической стойке у двери, и думала о том, какие к чёрту скучные здесь новости, и как здесь ничего не происходит, и о том ещё, что она и уехала-то из дома потому, что там тоже ничего не происходило — а оказывается, приехала, в общем-то, почти в такое же место.

После завтрака она села в свой джип и покатила себе дальше, к супермаркету, почти не обращая внимания на то, как на её джинсы с низкой посадкой и короткую майку, открывающую живот, поглядывают местные из тех, кто тоже ел у Полли. Ей-то было что? Какие-то стариканы косятся кто с неодобрением, кто с завистью, кто с явной мыслью «хороша, сучка» — так и видно по их лицам, что молодые цыпочки здесь нечасто бывают. Что ж. Монтана с ухмылочкой посмотрела на них, встав на подножку Такомы, и уселась за руль, пока её провожали долгими взглядами. А потом, когда её машина исчезла за поворотом улицы, о ней быстро забыли. Иначе обязательно сказали бы двадцать восьмого октября рейнджеру МакДугуду — «эй, Даг (Дугласов в таких городах всегда зовут Дагами, даже если им это не нравится), а трейлер-то принадлежит этой дамочке, дамочке на чёрном джипе! Заявилась к нам тут в конце сентября, была с собакой. И полуголая».

Ничего подобного. Монтану никто не запомнил, никто не заметил, потому что никому до неё и дела-то не было. Город жил от одного туриста к другому. Они были в это время года что лавина. Разве всех упомнишь?

В супермаркете она пополнила запасы мяса, маленьких сосисок для гриля, купила пачку зефира, ящик пива на двенадцать бутылок, кое-какую закуску и собачий сухой корм в большом пакете. Затем приобрела себе мешок угля, две зажигалки зиппо, моток верёвки, непромокаемые спички и новый мячик-пищалку для Малышки. Когда она вернулась с покупками в Такому, собака залилась лаем, но через минуту молча грызла свой красивый красный мячик с ещё не обрезанной этикеткой. А потом, вывалив язык, перелезла на заднее сиденье и легла там, вытянув длинные лапы, чтобы уложить на них своё сокровище.

Пока совсем не разогрело и не стало жарко, Монтана решила поехать по Дороге Вслед За Солнцем в парк Глейшер, и там обосноваться на природе, как она и мечтала. О, Боже, неужели это сбывается! Она сняла парку, бросив её на кресло рядом с собой, и осталась в одной майке с коротким рукавом и надписью на груди «Соблюдайте скоростной режим, на дорогах Дакоты водится много оленей!». Когда она подъехала к шлагбауму возле егерского домика, где её встретили работники парка, уже совсем разогрело, и в Такоме пришлось открыть окна.

Ей навстречу из аккуратного одноэтажного здания с американским флагом и флагом штата Монтана вышел мужчина в бежевой форме, с кожаным ремнём над объёмным животом и в кепке с логотипом парка Глейшер. Конечно, это была пума.

— Денёчка доброго, — приветствовал он, привычно добыв из большой папки бланк. — О, я погляжу, вы со своим добром и без палатки, да?

— Так точно, всё моё при мне, — бойко ответила Монтана и широко ему улыбнулась. — Много отдыхающих на этот уик-энд?

— Задницу некогда почесать, мэ-эм, — протянул мужчина с нашивкой «Ч. Льюис» на нагрудном кармане формы. — А вы у нас в Глейшере впервые?

— Была здесь подростком, — призналась Монтана. — Но не помешало бы прикупить кое-что у вас… э-э-э… типа карты местности, со всеми новыми тропами и маршрутами.

— Угу, угу… — он кивал, делая себе пометки на бланке. — Вы едете одна?

— Нет, — решительно сказала Монтана и завела руку назад, притянув к себе за кожаный ошейник овчарку. — Со мной компания.

— Воу! — работник по фамилии Льюис рассмеялся, когда Малышка беззлобно, но громко гавкнула. — Это серьёзно. Тогда договоримся так, я вам несу карту местности и туристический пропуск, ваши маршруты помечены зелёным цветом… строго говоря, — прищурился он, — с такими-то кемперами по Дороге мы стараемся не пускать, разве что в объезд.

Монтана сделала грустное лицо, надеясь, что он сжалится. Она хотела не просто попасть в Глейшер, а вдобавок полюбоваться видами с Дороги Вдоль Солнца. Кто ж откажется поглядеть с главной бесплатной смотровой площадки на весь парк? Вид там открывается и на хребты, и на леса, и на артерию рек и озёр. Красотища! К счастью, Ч. Льюис беззлобно продолжил:

— Но если вы поддержите наш парк и лесное хозяйство покупкой какого-нибудь маленького сувенира, я закрою глаза на то, что у вас на полфута больше кузова, чем надо бы, о'кей?

Монтана просияла:

— А что у вас есть? Впрочем, у вас клёвая бейсболка. Продаёте такие же?

— Их и ещё много всего, мэ-эм!

— Тогда несите её и, если есть, толстовку. Да, толстовку с парком Глейшер. — Монтана убрала руки с руля, положив их себе на колени. — У меня скоро день рождения. Пусть это будет мне такой подарок.

За толстовку она заплатила семнадцать долларов, за кепку — девять, за проезд и пребывание в парке — двадцать четыре бакса. Вдобавок она купила в сувенирном магазине ещё ящик содовой, потому что забыла про неё в супермаркете,

и перед железной решёткой на чёрной морде Такомы без проблем подняли шлагбаум, чтобы Монтана проехала свой первый поворот на Дорогу Вслед за Солнцем,

двигаясь навстречу густолиственному лесу и своей первой остановке на дикой при-

роде.

Дорогу Вслед за Солнцем так прозвали потому, что она шла прямо по очень живописной границе водораздела и устьев нескольких рек, впадающих в Тихий океан. Рассветы и закаты на ней было встречать лучше всего. Она протянулась вдоль всего парка на пятьдесят миль и вела мимо крупных визитор-центров, организованных для туристов, которые любят единение с природой, но не настолько, чтобы спать в палатке и ходить по-большому и по-маленькому в кусты. Самая нижняя её точка была здесь, в Кат-Бэнк-Крик. Самая верхняя — горный перевал Логан в Скалистых горах на высоте более двух тысяч метров, и туда тоже можно было добраться на машине. Отсюда, с самого начала дороги, выложенной первоклассным асфальтом и окружённой с одной стороны лесным массивом, с другой — красивым видом на обрыв и горный подъём, было видно перевал Логан и пик, покрытый снегом. Но Монтану не интересовали горы, она не любила высоту настолько, чтобы рваться туда. Она хотела полюбоваться осенью близ реки, найти какую-нибудь приятную автостоянку для кемперов, чтобы там побыть наконец наедине с собой, наедине с тишиной. Так она рисовала себе это, не ожидая, что в конце сентября — в индейское-то лето — в Глейшере самый сезон, притом туристического отдыха с детьми.

Дорога Вслед за Солнцем заняла у Монтаны не больше полутора часов неторопливой езды. Её трейлер спокойно проходил все крутые повороты и наиболее опасные, щекотливые места. Она, конечно, понимала, почему в основном кемперы сюда не впускали: люди за рулём бывают разные, кто-то запаникует на открытом повороте в пропасть, а кто-то не среагирует вовремя, если на него пойдёт машина по встречной полосе. Монтана лишь лихо надвинула бейсболку с рычащей пумой себе на глаза и с резким, северным канадским выговором сказала Малышке:

— Слышь, детка, это не Дакота, тут тебе не под кустом у старухи Доэрти гадить, ясна-а-а? Мы-терь на дикой природе, вот и веди себя как дикий зверь.

Малышка заложила назад уши, непонимающе проскулив что-то на своём, на собачьем, и снова увлеклась мячиком. Монтана махнула рукой, рассмеявшись. Ладно. Чего она ещё ожидала от сценки перед собакой-то?

Проехав около десяти или пятнадцати миль, она свернула на туристическую тропу. Судя по карте, вот прямо здесь должен быть выезд к реке. И он правда там был. Только на берегу уже стояло три трейлера с раскинутыми близ них шестами, на которых отдыхающие навесили тенты от солнца. В каждом трейлере было по семейной паре, все как один — откормленные, загорелые, упитанные, и даже с детьми. Пока те визжали как поросята, бегая вокруг трейлеров, а папаши в расстёгнутых рубашках и спортивных штанах ворочали стейки на решётках барбекю, Монтана уяснила, что ей здесь делать нечего, и уехала восвояси.

— Ладно. Всё нормально, — сказала она понурившейся Малышке, которая угрюмо положила морду на лапы. — В другом месте нам точно повезёт, вот увидишь.

Но на реке Мидл-Форк-Флатхед было то же самое, что на Норт-Форк-Флатхед, а двумя милями дальше ситуация не изменилась. Кругом были бесконечные люди на своих машинах, кто с палатками, кто с трейлерами. Они жарили барбекю, пили пиво, шумели, палили костры и слушали музыку по радио. Какую-то молодую парочку Монтана даже спугнула, кажется, за этим самым делом. Людей было так много, что Монтана прямо даже растерялась, а какого чёрта они все здесь забыли — или что, в Америке больше не осталось скучных работающих людей? Неужели никому завтра не нужно ехать в офис?

К обеду она просто устала сидеть за рулём и разочаровываться, останавливаясь от одной стоянки до другой, так что достала из холодного ящика с сухим льдом сэндвич с кресс-салатом и яйцом, который купила в аптеке. Остановившись в отдалении от дороги, под сенью высоких деревьев, скрывающих её от проезжей части, она открыла настежь водительскую дверь и упёрлась подошвами ботинок в подножку, развернув фольгу, в которую был завёрнут сэндвич: его

уже здорово помяло, а соус и солёные огурчики дали сок в хлеб, так что он стал ещё и немного мокрым.

— Будешь кусочек? — расстроено спросила Монтана у Малышки, и та, как всегда, не отказалась. Пришлось положить ей перед носом ту половинку, где не было огурца. — Помолись своим собачьим богам, пожалуйста, чтобы у нас всё получилось и мы заночевали не в компании каких-нибудь чёртовых семьянинов с вечно орущими детьми, ладно?

Малышка, точно всё поняв, заскулила и положила лапу на хозяйское колено. Монтана съела свой невкусный обед, запила его колой из ящика, который купила в сувенирном магазине, и снова тронулась в путь, но только долго не делала остановок — минут сорок, не меньше, пока наконец не свернула к реке Сэнт-Мэрис.

Это была горная река и туристический перевал Медвежий Клык, к которому обычные отдыхающие ездили редко. От гор здесь веяло холодом, ветер доносил с реки холодные брызги. Сама Монтана с родителями в этом месте не ночевала, только бывала разок, чтобы посмотреть на бушующий водный поток с настоящими порогами. От кого-то — от отца, что ли — Монтана слышала, что весной уровень воды в Сэнт-Мэрис подымается до самого берега, до деревянного мостика с перилами, а то и вовсе затапливает его. А так там футов двадцать отсюда, от каменной подошвы, до края воды, не меньше. Что было ещё прекраснее, Сэнт-Мэрис бежала далеко вверх до самого водопада Бёрд-Вумен, что близ горы Оберлин. Но там Глейшер-парк туристический заканчивался, и начинался тот Глейшер, который граничил с другими территориями. Близ Оберлина находились частные владения, где люди отдыхали и даже жили сколько-то времени в году: руководство парка всё планировало их выселить оттуда, но проблема была в том, что со склона Оберлин и дальше, вниз по горе, земля эта исторически принадлежала уже другому городу. В горах жили богатенькие, и они точно не дали бы себя оттуда выгнать. Монтана мечтательно вздохнула. Иметь дом в таком-то месте — это ж сколько бабок надо за него отвалить? Много, точно много. Ни у неё, ни у её родителей столько не было. Но хотела бы она так жить?

Монтана вышла из джипа, хлопнув дверью, и прошлась до высоких деревянных перил, которые огораживали берег от бушующего Сэнт-Мэриса. Облокотившись о них, она крепко задумалась. Да, хотела бы она видеть каждый день вот такой пейзаж. Хотела бы она просыпаться на природе и засыпать на террасе собственного коттеджа, а не крохотного домика на три спальни в Вест-Фарго, где из окна видно разве что соседскую лужайку, и то чаще нестриженую и заваленную всяким дерьмом — рядом с ними жила старуха, которая когда-то помешалась на коллекционировании грёбаных глиняных гномиков, а когда артритные ноги у неё отказали, она перестала ухаживать за дорожкой и газоном, так что её двор превратился в настоящий хаос.

Вот только у Монтаны не было ни денег, чтобы купить дом своей мечты и поселиться в месте своей мечты, ни образования, чтобы заработать эти деньги, ни приличной работы. Изо дня в день она трудилась пять дней в неделю в гипермаркете «Трейдер Джо», раскладывая продукты по полкам, развешивая ценники, прибираясь в отделах и помогая бесконечным покупателям найти то, то и это. Там неплохо платили для человека без корочки, но кому она нужна была, чтобы повесить большой плакат «Только на этот уик-энд молоко за два девяносто девять — при покупке двух галлонов третий в подарок!». А в школе Монтана заняла на выпускном звание «королевы бала», эх.

Прищурившись, она смотрела на голубое безоблачное небо над рекой и думала о том, как и когда жизнь развернулась так, что вычеркнула целых шесть лет, и все эти шесть лет Монтана была как сама не своя, вкалывая на грошовой работе безо всяких перспектив. Хотя, кто не вкалывал? Отец и мама так жили, и все их друзья так жили. Монтана вдруг вспомнила вчерашнего парня, студента из медицинского, как там его… Виски, нет, не Виски… Вермут. Послушав его, стало так горько и обидно. Монтана почувствовала себя человеком, просравшим шесть. Чёртовых. Лет.

Она, будто бы в сказке, надолго погрузилась в глубокий, крепкий сон, а вот вчера внезапно проснулась, ущипнула себя и, осмотревшись, увидела вокруг всё то, от чего она в свои семнадцать так бежала. А в двадцать три обнаружила, что стоит на месте, живёт в доме у родителей, у неё нет постоянного парня и все подруги работают с ней в «Трейдер Джо».

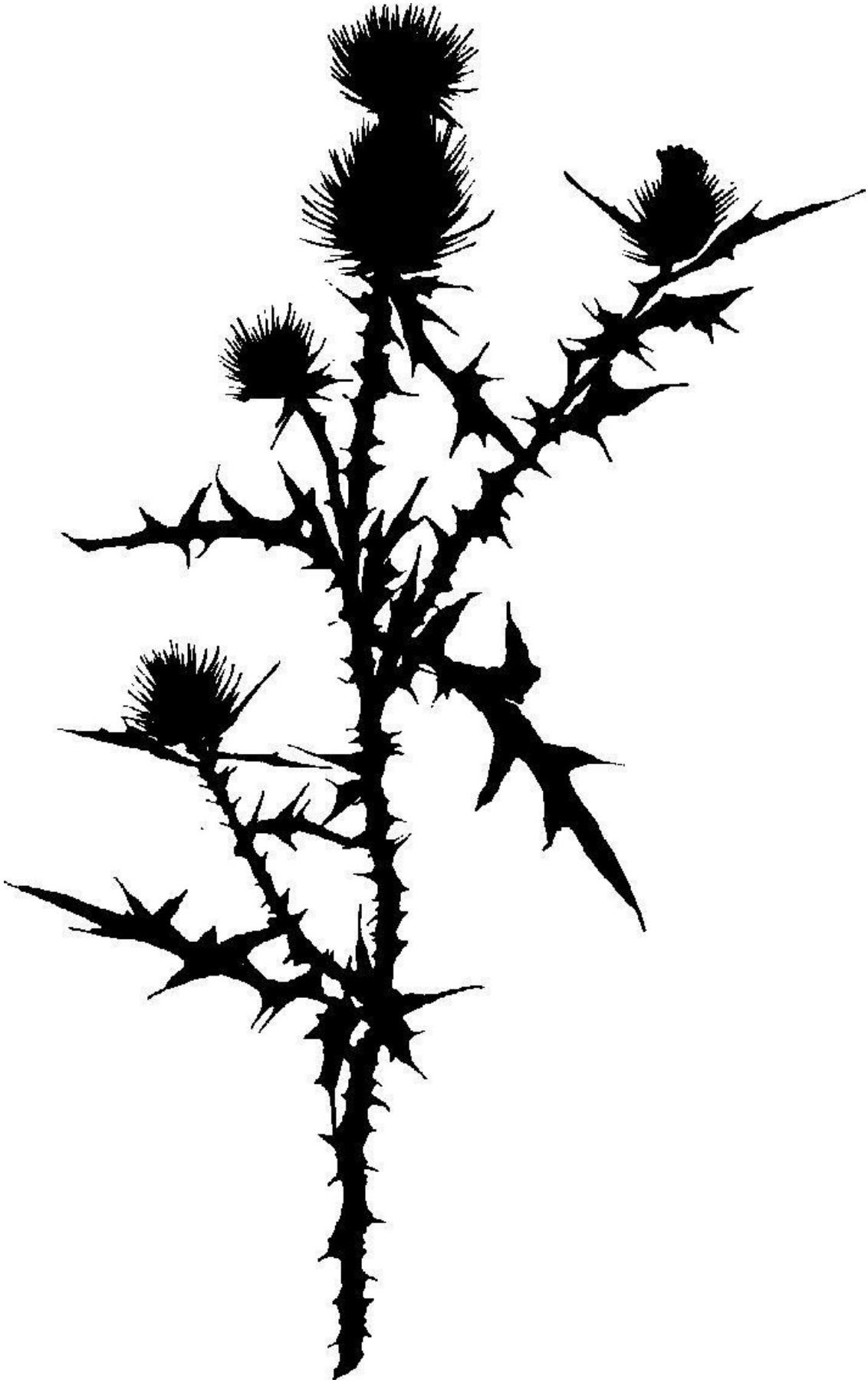
Здорово.

Потерев озябшие ладони, Монтана вернулась в джип за курткой и надела её. Малышка, склонив набок ушастую голову, тихо заскулила, точно понимая настроение своей хозяйки, и Монтана, подмигнув ей, сказала:

— Детка, мы нашли себе местечко. Классное местечко. Считай, приехали. Остановимся здесь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МАЛЫШКА

Can You Hear Them Sing? — Cemeteries
Feel the summer cold
Burn the wind again
It will warm our thoughts
As we circle it, circle it.



По другую сторону Медвежьей горы, вставшей поперёк парка Глейшер и Кат-Бэнк-Крика с одной стороны и отделившей их от штата Вайоминг с другой, всего-то в семидесяти милях по прямой, в низине, если спускаться с крутого склона по раздолбанной старой дороге, по которой даже не совались туристы, находился городок Шайенн — только не тот, что западнее парка, а просто город-тёзка мегаполиса Шайенн.

Местность там была покрыта густыми хвойными лесами и кустарниковой порослью. На некоторых вершинах из водопадов проистекали быстрые, узкие горные реки, бежавшие по каменистым хребтам в долину, и уже там впадали в разлившуюся широкой поймой Гринривер. Это был тихий, спокойный, скучный даже штат ковбоев, скотоводов и промышленников, самый последний в Америке по численности населения — и отличающийся разнообразной природой, от лесов до прерий. Климат здесь называли семиаридным: слишком сухой, чтобы на открытой местности разбивать поля и сады, он был достаточно суров что летом, что зимой. Летним днём — слишком жаркий, даже изнуряющий: однажды местные зафиксировали на столбиках термометров сорок шесть градусов по Цельсию. Зимой, осенью, весной — промозглый и зябкий, а ночами температура опускалась на десять-двенадцать градусов. Здесь всегда было много снега, морозы жалили страшные, и осадки выпадали рано: в конце октября в горах уже порошило землю и деревья. Виной такой суровой природе был ветер чинук, прорезающий воздух со Скалистых гор вдоль прерий. Он приносил необычайно много тёплых воздушных масс и служил причиной резкого колебания температур. Вайоминг был богат на дожди, слякоть, снег, метели, бураны, пургу и промозглые ночи — но Вермут привёз Мескаля и Текилу именно сюда.

В Шайенн.

Они спустились на Капризе в город, чтобы закупиться продуктами и заехать, как велел отец, к старому другу их семьи, Джо Уэйбеку. Джо было уже шестьдесят четыре, он знавал отца Вермута, когда тот был совсем молоденьким парнишкой, и самого Вермута помнил слюнявым сосунком в подгузниках. Поэтому теперь он был очень рад его увидеть. Люди в таких местах, как это, сентиментальны, даже если им приходилось бы трижды на дню кого-то убивать: впрочем, у Джо был автомобильный бизнес, ничего, что могло бы нарушить закон. Правда, он иногда как раз и нарушал, но чего только не сделаешь ради почти что члена семьи, верно?

— Френки, мальчик мой, — он ласково похлопал Вермута по шее и отстранился. — Сколько лет-то я тебя не видел, м? Ты здесь не был года три, если не больше, но, — и он, хитро прищурившись, погрозил ему пальцем, — можешь папаше передать, что мы справно следили за домом. Справно, ладно?

— Джо, как могло быть иначе? — с чувством спросил Вермут и крепко обнял старика.

Ему было действительно приятно увидеть этого хитрого ублюдка. Джо занимался ремонтом машин и держал свою мойку. Зять у Джо — Вермут не помнил его имени — и дочка, Келли, девушка, на чьи буфера Френки с юности засматривался, жили по соседству и владели пунктом проката машин. Это был, можно сказать, семейный подряд, и все они гребли денежки в карман Уэйбека. И даже зять его пусть был другой фамилии, но по натуре всё равно — чёртов Уэйбек.

Вермут пришёл к нему на автомойку один, пораньше утром. Он оставил дружков возле супермаркета, но знал, что взять тачку у Джо займёт времени, а потому попросил их после обождать в кафе неподалёку, только не влипать в неприятности и не попадаться на тупых вещах типа разбоя, кражи и чего-то такого, потому что в Шайенн Вермута знают как Френка Баума, и, если кто из местных прознает, что он связался с такими славными парнями, как эти двое, то быстро доложат его отцу. Тогда накроется спокойное времечко, за которое они вполне могли бы повеселиться. Мескаль сказал — «нет вопросов», и поднял руки ладонями вверх. Текила вообще ничего не ответил, но Вермут за него был спокоен: у этого говнюка мозги были не

набекрень, а очень даже крепко сидели в черепной коробке, пусть и соображал малость туго, как по мнению самого Вермута.

Потому-то он относительно спокойным пришёл к Уэйбеку и даже выпил с ним кофе из автомата, который стоял прям там, на автомойке, в зале ожидания. Машины сегодня никто не мыл, в городе было тихо и пусто, но это ненадолго: вот-вот нахлынут туристы, последняя волна сезона отпусков сейчас, больше чем за два месяца до Дня Благодарения. После него всё пойдёт на спад и замрёт до самого апреля.

— Твой папаша звонил, — сказал Уэйбек и провёл языком по боковым зубам, гоняя между ними зубочистку. — Ты, наверное, знаешь уже, что за твоей тачкой я пригляжу до весны, верно?

— Ага. Но ты хорошо за ней смотри, она новенькая.

— Я вижу, что новенькая, — и Уэйбек громко цокнул. — Ну да здесь, в горах, она будет совсем бесполезной. Я удивлён, как-то ты на ней доехал по здешним ямам.

— Оч-чень осторожно, — протянул Вермут и провёл ладонью по воздуху, точно показывая охренительно гладкую прямую линию.

Уэйбек расхохотался, поправил на затылке шляпу. Здесь все, в этой части Вайоминга, торчали по ковбойским шляпам. Френки даже подумал, не прикупить ли ему свою, чтоб сойти за местного. И потом, ну где ещё он сможет её носить и не выглядеть полнейшим идиотом?

— Ну, а если серьёзно, — сказал Джо, немножко успокоившись, и обнял Френки за плечи, пригрудив поближе к себе, — ты знаешь, что… ты сиди и не высовывайся. Не встревай во всякие истории, чтобы копы тебя не сцапали. Будь паинькой, понял?

— Да-да-да, мне уже сказали, — скучающе протянул Вермут.

Джо потрепал его по предплечью, снова прижал к себе, так, что Вермут услышал запах жевательного табака и больных зубов у него изо рта.

— Я же не просто тебе это говорю, — тихо пробормотал он, чтобы услышал только Френки, хотя единственным, кто был в помещении ещё — погружённый в газету операционист за кассовым аппаратом. И то, наверняка, из своих. Какой-нибудь Уэйбек-младший, или племянник, или ещё один бесконечный родственник этого старого ублюдка. — Побудь здесь, пока всё поуляжется, и послушай старика Джо. Я всю жизнь желал тебе только добра, сынок, а шериф у нас новый, из Оклахомы. Он привык к тому, что у него там живут фермеры, которые ходят по струночке, и он малость лезет не в свои дела. Уверен, он и к тебе полезет. Рослый, усатый, ты его ещё не видал?

— Не видал.

— Ну вот знай, что он обязательно будет лезть, он ко всем лезет. Чёрт бы его побрал. Он здесь только полгода, пока что обживается, и у него в заднице играют скаутские рожки. Он думает, что всех здесь уже съел с мякишем и маслом на завтрак, понимаешь? Ага. Ну, ты обещаешь старику Джо быть осторожным?

— Какие вопросы, — расцвёл в улыбке Френки. — Я пай-мальчик.

Он обещал так легко, потому что никогда не держал своего слова, но Уэйбеку этого было не обязательно знать. Главное — больше не допустить такого же дерьма, как дома с Нэнси, и всё. Остальные свои тайны он

умел
хранить.

Текила и Мескаль ели коржики, сидя на скамейке возле кафе, где их оставил Вермут, и совсем не удивились, когда он посигналил им с края дороги и уже был не на Капризе, а на тёмно-синем джипе Форд Экспедишн. Под капотом стоял мощный двигатель Тритон на пять и четыре литра, а полный привод обеспечивал отличную проходимость по любому бездорожью что вверх, что вниз к Медвежьей горе.

— Садитесь, ублюдки, — сказал им Вермут, и они поспешили сесть в джип, прихватив с собой пакеты и пару коробок с выпивкой. — Пожрать купили? Бухло?

— Ну не слепой же, сам видишь, — ровно ответил Текила. — Откуда тачка?

— Тебе-то какая разница? — Вермут мог завестись с нихрена с пол-оборота. Тем более, этот грязный ублюдок лез не в своё дело. — Такой любопытный, да?

— Ладно, чёрт с ней, не хочешь, не рассказывай, — весело сказал Мескаль и провёл ладонью по приборной панели. — Но мне эта малышка нравится. Классная малышка. Очень. Чего скажешь, Текила?

— Угу, — тот отчего-то помрачнел и отвернулся в окошко.

И больше не сказал ни слова.

Парни поехали в дом: для этого им пришлось вернуться наверх по той же дороге, но взять теперь курс на северо-запад и двигаться к самому склону горы, вглубь, где неподалёку разливался широкий и бурный поток Сэнт-Мэриса. Было солнечно и тепло: последние деньки индейского лета, видать. Дома в такую погоду было даже жалко прятаться. Точно чувствуя мысли друг друга, Вермут озвучил то, о чём подумали все трое:

— Надо бы съездить на реку, что ли, пониже по течению, взять немного мяса, барбекю пожарить. Погреть задницы на солнышке, пока оно светит. Что скажете?

— Нормально, — спокойно ответил Мескаль, высунув локоть в открытое окно. — Я за. Только, жаль, девочек нету.

— В этакой глуши тебе ещё девочек? Тебе вчерашней было мало? — беззлобно ухмыльнулся Вермут и потёр глаза. — Господи Боже, ты умеешь держать свой член в штанах?

— Нет, — невозмутимо сказал Мескаль. — Мне часто нужно его проветривать и выводить на прогулку, иначе заскучает и совсем отобьётся от рук. Я, мать вашу, его дрессирую.

Шутка была дурацкой, но они ей рассмеялись; даже Текила усмехнулся. Когда приехали к дому, к открытой, расчищенной от лесного массива площадке, где возвышался двухэтажный коттедж, выложенный из бруса, с чердаком под скатной крышей, Мескаль позабыл про всё и, стоило машине остановиться, выскочил наружу:

— Ну, это дворец, парни!

Текила не спешил выходить. Нога ещё болела. Так что он последним неторопливо вылез, закрыл дверь и оперся о джип, положив локти на крышу, а на них уже — подбородок. Задумчиво поглядев на дом, подумал что-то своё, а что — вслух не сказал. Вермут был польщён и обошёл Форд, снисходительно похлопав Мескаля по плечу:

— Нормальный такой сарай, ага?

— Сарай — это вот, — и Мескаль ткнул в пристрой недалеко от дома: там родители Вермута хранили рабочие инструменты, керосин, дрова и всё, что могло пригодиться при жизни на природе. — Ну, или моя старая халупа в Мексике. А это, мать вашу, охрененный дворец!

Они закатили джип под широкий деревянный навес, затем Вермут открыл ключом первую входную дверь. К дому прилегала широкая терраса. Полы на ней были выложены широкими досками из корабельной сосны. Воздух кругом пропитался запахами смолы и хвои, и чего-то горького, как просолённые прибрежные камни. Пока Вермут возился со второй дверью, украшенной матовой стеклянной вставкой в центре, Текила спросил:

— А запасной генератор у вас здесь есть?

— Ты чего, принимаешь нас за придурков? — вспыхнул Вермут, хотя точно не помнил, был генератор или нет. Но, наверное, был, потому что его предупредительный папаша всё оборудовал, как надо, и отвалил за это в своё время кучу денег. — Если тебе что-то не нравится, можешь катиться…

Текила, невозмутимо сунув руки в карманы дублёнки, просохшей и теперь лежавшей на широких плечах и массивной выпуклой груди клоками, хмыкнул и сунул между губ сигарету. Мескаль опять встрял:

— Да чего ты, ну, он просто спросил про генератор, потому что знаешь, какое это дерьмо, если здесь отключат электричество или обогрев? Бо-ог мой, там, внутри, какие хоромы! Нет, я серьёзно, Вермут, расслабься. Тебе надо научиться расслабляться, ясно? Он же ничего такого не имел в виду!

Мескаль неплохо понимал Вермута, и понимал также, чего он кипешует и ругается с Текилой. Тот делал вид, что он лучше всех и круче всех. Дом его не впечатлил. Тачка — тоже. Давеча трахнул в мотеле бабу и пошёл курить, будто ему это на самом-то деле не надо было. Та же баба Вермуту не дала. Какому-то бирюку-индейцу дала, а ему — нет! Кошмар. С его-то характером это было почти оскорбление. Как только эта дура цела осталась… А вчера ночью Текила вздумал поучать их, словно двух недоумков. Пока они отметилили того засранца на дороге и поиграли с его девкой, он торчал в тачке, будто был выше этого, и самодовольно ухмылялся. Но он был тот ещё сукин сын, и Мескаль пока не хотел с ним связываться — да и поводов не было. Всё же Текила во многих вещах знал толк, и, как ни крути, он был третьим.

А трио во многих случаях всегда лучше пары.

Наконец, замки открыли, впустили в коридор свежего воздуха, вошли по очереди, неловко замолкнув. Внутри дом был большим, дорого и хорошо обставленным, с прямой стильной лестницей, подымавшейся на второй этаж, и высоким камином, выложенным крупным гранитным камнем. Очаг был вычищен от золы. Полы тоже были чистыми, как и мойки на раковине и в ванной комнате, и унитаз, и окна. Судя по всему, перед приездом Вермута тут как следует прибрались. В холодильнике даже осталась кое-какая еда, и сам он был включён. Работал свет. В подвале Текила обнаружил нагревательный котёл и запасной генератор, и немного успокоился. В это время Вермут и Мескаль, осмотрев комнаты, убрали всю купленную еду в холодильник и открыли по бутылке пива.

— За нас.

— За нас! — они чокнулись стеклянными боками, оставив третью на столешнице.

Текила прихромал к ним и, налегая локтями на стол, потому что тяжело было стоять на ещё не зажившей ноге, сбил крышку о другую бутылку и тоже отпил, салютуя друзьям. Все трое на несколько долгих, спокойных минут забыли о спорах, разногласиях и напряжении. Попивая пивко в светлой большой кухне и любуясь на сосновый лес в окно, каждый думал о чём-то своём. Мескаль достал из холодильника нарезку с двумя видами сыра и сорвал плёнку, скомкав её и бросив прямо на столе. Вермут аккуратностью никогда не отличался и вообще этого не заметил. Текила тоже проигнорировал, но взял шпажку и съел сразу два куска сыра.

— Ну, чего, заночуем тут — а потом пожарим во дворе мяса?

— Время детское, три часа, — сказал Вермут и поморщился, набив сыром рот. Оттого щека его здорово оттопырилась, а речь стала малость невнятной. — Тут недалеко спуск и грунтовая дорога. Возьмём палатку или спальники, может, у папаши в сарае ещё остались… Кто-то может заночевать в машине.

— Это буду точно я, — рассмеялся Мескаль. — Терпеть не могу спать на земле. Даже не просите уступить место.

— И не собирался, — тихо и лениво сказал Текила, отпив из бутылки.

— Если повезёт, можем склеить пару цыпочек, — продолжил Вермут. — В этом сезоне в Глейшере всегда полно молодых девок. Многие, конечно, ездят компаниями, но кто сказал, что мы не можем подойти к какой-нибудь из них лично?

— Вполне можем, — развеселился Мескаль. — Потому что тут скучно. Ты уж не обижайся, но это место — форменная дыра.

— Дыра, да. Съездим на денёк, — решительно подытожил Вермут. — Больше денька-то нам и не надо. Кстати, вы слышали прогноз погоды? Послезавтра Глейшер зальёт дождём дня на три-четыре, так что лучше времени не придумаешь. Если ехать, то сейчас.

На том и порешили.

Она выбрала неплохое местечко чуть пониже к реке, там, где хвойный лес расступался и открывал хороший вид на поток. Им уже вынесло два крупных бревна, стёсанных волнами, и Монтана подумала, что из них выйдут неплохие скамьи. Во всяком случае, свой первый костёр она развела возле одного из брёвен. Трейлер же поставила так, чтобы вид из окон выходил на реку. Замечательно получилось! Монтана с трудом вытянула навес из специального жёлоба, затем взяла сухой уголь и попыталась соорудить самодельную подпорку для решётки, на которой хотела пожарить колбаски-гриль. Затея быстро провалилась: нигде не нашлось подходящих палок. Пока хозяйка занималась тем да этим, Малышка со звонким лаем носилась по берегу, а затем путалась у Монтаны под ногами, встряхиваясь каждый раз, как брызги с реки попадали на её красивую, холёную шкуру.

Устав до чёртиков, Монтана плюнула на чёртов гриль. Она рано встала и долго промоталась в дороге. Потом пришлось попетлять здесь, в Глейшере, чтобы найти это место. Хорошее, к слову, место. Здесь было тихо. Только шум реки, изредка — лай или поскуливание собаки, а ещё — пение птиц нарушали эту тишину. Иногда ритм по дереву дробно отстукивал дятел. Иногда Монтана слышала робкое токование в чаще. Природа здесь была куда более дикой, чем там, ниже, по руслам других рек, и она понимала, почему люди сюда не тянулись. Здесь они переставали чувствовать себя туристами на обустроенных площадках для отдыха.

Монтана была этим чертовски довольна. Усевшись на бревно и вытянув ноги, она любовалась язычками голубовато-оранжевого пламени, лижущего сушняк и уголь. День кончился

очень быстро, небо залилось огненным закатом, совсем нежным, сиреневым, на западе. Оно было таким огромным и необъятным, что деревья, которые прежде казались Монтане гигантскими, теперь были что травинки перед исполином. Нанизав на острую шпажку сосиску, Монтана лениво протянула её к огню и проворачивала там в томительном ожидании, когда бока у сосиски зажарятся как следует. Малышка получила свою порцию собачьего корма, но всё равно, подъев его подчистую из алюминиевой миски, робко подняла палево-чёрную морду от изящно скрещённых передних лап. Она лежала близ ног хозяйки, навостряя уши каждый раз, как слышала что-нибудь в сизой чаще. Любой звук казался ей подозрительным: Малышка была ещё совсем юной и совершенно домашней собакой, и отдых на природе был для неё в новинку.

— Ладно, — сдалась Монтана, не в силах выдержать её жалобный, блестящий взгляд. Взяв из пакета ещё одну сосиску, кинула её собаке. — Ешь.

Малышка, обрадовавшись, засуетилась и, ухватив лакомство, принялась сосредоточенно грызть его, вспарывая шкурку острыми зубами. Монтана зевнула. Здесь темнело так быстро, что очень скоро весь небесный свет померк — но её это совсем не напугало. Хоть звёзды и светили тускло, страха не было. Не было и печали. Напротив, Монтана почувствовала себя хоть мало-мальски отдохнувшей впервые за долгое время. Она чувствовала, что ни в один из отпусков не была так счастлива, как сейчас, пусть и устала, пусть и была голодна, а чёртова сосиска не желала жариться, а у берега от воды всё ещё, как летом, вилась мошкара.

И Монтана многое отдала бы, чтобы однажды это повторить.

Поужинав пакетиком хрустящего картофеля и кое-как приготовленной сосиской, Монтана допила слабый чай из термоса, потушила костёр и, свистнув Малышку, закрылась у себя в трейлере. Ещё долго она, лёжа у себя на полке под одеялом и положив руку под голову, глядела на серебристую ленту реки и слушала её мерный, непрекращающийся шум. Подумав, что завтра стоило бы зайти в воду босиком и потрогать её, Монтана, вдыхая запах песка и воды, хвои и земли, провалилась в прият-

ный,
спокойный сон.

Утро выдалось не столь же приятным. Монтана проснулась от звенящего над ухом комара и, дождавшись, пока он прекратит пищать, прихлопнула его у себя на шее. Сон мигом сошёл: в трейлере было очень душно, и вчерашний выпитый чай давал о себе знать. Не прошло и минуты, как Монтана встала и обулась, почувствовав, что вот-вот лопнет её бедный мочевой пузырь. Малышка подняла морду от пола, услышав, что хозяйка проснулась, и вылетела в открытую дверь, когда Монтана отвернула замок.

— Чёрт, — проворчала она, наспех зашнуровывая походные ботинки. — Чёрт, чёрт!

Вылетев наружу в одной спальной майке линяло-серого цвета, с изображёнными на груди тремя коровьими черепами, чьи глазницы ловко пронзала стрела, Монтана нашла в отдалении от трейлера высокий кустарник в тени огромной пихты; там было достаточно укромно.

Возвращаясь назад и от нечего делать пиная носком ботинка плоские камушки, вдосталь лежавшие под ногами, Монтана думала, что бы съесть на завтрак — йогурт или вчерашний хот-дог — и решила, что хот-дог будет правильнее прикончить первым, пока он не испортился, когда услышала звонкий лай Малышки где-то в стороне.

— Малышка!

Уже потом до неё донёсся мужской смех. Монтана различила несколько голосов и забеспокоилась. Где её собака? Малышка залаяла снова, ей вторили голоса. Монтана, свистнув, поспешила на шум. Запоздало подумала, а где её шокер — но лезть за ним в трейлер было некогда.

— Малышка, ко мне!

Овчарке было только два года. Совсем ещё молодая и глупая, она только начинала постигать все особенности дрессуры — и что-то уже умела, но всё равно Монтана знала, что не уделяет Малышке должного внимания и времени. Её отвлекала работа. После смены она часто пропадала с друзьями. Дома оставались мама и сёстры. Отец возвращался только вечером, и максимум, что он мог — побросать с Малышкой мячик или прогуляться с ней по кварталу. Он говорил Монтане — «это твоя собака, детка, и тебе с ней заниматься». Монтана с досадой подумала: если б она не пренебрегала дрессурой, тогда Малышке достаточно было бы лишь одного посвиста. А так…

Прямо как была, в ботинках и футболке, больше походившей на очень короткое — и видавшее виды — платье, Монтана выбежала на проплешину на берегу реки сотнях в двух футов от своего трейлера, двигаясь на шум, и среди стройных сосновых стволов увидела тёмно-синий джип, а возле него — мужчину, который пристально осматривал колёса. Но всё внимание её тут же захватила Малышка: она прыгала в воде, выскакивала из неё в серебристых брызгах и, прыгая на берег, снова таранила грудью беспокойную реку, вся мокрая и весёлая, с вываленным между клыков розовым языком. С ней в реке был мужчина: он то подзывал к себе овчарку коротким, резким свистом, то бросал ей что-то. Монтана присмотрелась и поняла: это был Малышкин новый красный мячик.

— Эй! Ко мне, девочка!

Монтана вышла между деревьев, решившись показаться, ведь, так или иначе, собаку нужно было отсюда увести. Сперва она даже сердито пошла к берегу, негодуя, что Малышка её не слушается, но затем мужчина возле джипа поднял на неё взгляд, и Монтана неуверенно остановилась.

Вот это да.

— Ба-а-атюшки, — протянул Мескаль, отбросив с потного лица длинные волосы, — какая встреча-то! Парни, эй! Эй! Смотрите, кто тут!

— Да уж, — неловко улыбнулась Монтана, потерев локоть. — Удивительно, но вот мы все здесь. А у вас другая машина.

— Взяли у родственника, — отмахнулся Мескаль и постучал костяшками пальцев в стекло джипа. — Вермут, вставай! Вставай, скотина, хватит дрыхнуть, смотри-ка!

Заспанная физиономия Вермута показалась из окна. Он провёл рукой по помятому лицу со всё ещё закрытыми глазами и зевнул:

— Привет-привет, Монтана. Ничего себе. Ты нас что, преследуешь?

— Нет, скорее, вы меня.

Мужчины громко рассмеялись в ответ на это. Малышка, услышав их, забрехала ещё громче.

— И у вас моя собака, — она неловко указала на Малышку, и мужчины удивлённо взглянули на неё.

— А-а-а, то-то я думаю, она мне почему-то знакома… Текила-а-а! — Мескаль сложил руки рупором. — Текила!

— Ау? — откликнулся тот и выпрямился, перестав бросать мячик.

— Иди сюда. Иди!

До берега было футов семьдесят, и Текиле явно пришлось присмотреться к тому, что происходит. Он тяжело побрёл с глубины, где сначала стоял по пояс, на мелководье, оказавшись в чёрных трусах-шортах, и, отфыркиваясь от воды, потрепал по ушам Малышку, побежавшую вскачь, чтобы забрать свой мячик.

— Кто тут? — Мескаль жестом фокусника указал на Монтану. — А? А? Кто тут?

Текила ничего не ответил, только смерил Монтану внимательным взглядом — с головы до ног, а потом обратно, так, что она переступила на месте и попыталась незаметно поддёрнуть футболку хоть на пол-пальца ниже. Наклонившись к Малышке, он потрепал её обеими руками по щекам и отпустил. Он был коренастым и плотным, с хмурым лицом, с тяжёлыми, плотными мышцами. Текила выглядел значительно массивнее и изящного долговязого Мескаля, который упёр руки в бока возле Монтаны, и поджарого, спортивного Вермута, который больше напоминал человеческую версию гоночной дорогой тачки.

— Я думал, вдруг она потерялась, — равнодушно пояснил Текила и взял с бревна большое пёстрое полотенце. — Привет.

— Привет, — эхом откликнулась Монтана, отводя от него взгляд. Всё же лучше не пялиться на почти голого чужого мужчину, особенно в таких обстоятельствах, но на ноге его она заметила утягивающую повязку. — Ну, что ж. Встреча и впрямь неожиданная, но не буду вам мешать: я за собакой приходила. Малышка! Иди сюда!

Овчарка трусцой побежала на берег, встряхнулась и встала рядом с хозяйкой, сжимая мячик в пасти. Вдруг Мескаль торопливо произнёс:

— Раз такое дело, может быть, придёшь к нам вечером на барбекю?

Вермут вылез из джипа, хлопнув дверцей. Кашлянув и на ходу натянув толстовку, добавил:

— Тем более, мы всё это одни не съедим: нужны помощники. Верно, парни?

Текила промолчал, уже надев свободные спортивные брюки, и накинул клетчатую мягкую рубашку, весьма потрёпанную на вид. Он пожал плечами и выправил мокрые кудри из-под воротника. Мескаль потёр ладони:

— Если вдруг к тебе присоединятся друзья или, там, родственники, мы всем будем только рады. Хочется отблагодарить как следует свою спасительницу.

— Что? Ой, нет-нет, — спохватилась Монтана и неловко попятилась. — Это ни к чему.

— Ну, правда, — Мескаль прижал ладонь к груди. На белой футболке его красовался красный бык с кольцом в носу. — Я не то чтобы настаиваю, да? Просто один раз — это случайность, а два — уже судьба! Если захочешь, заходи.

— Да, вечером пожарим мясо, — Вермут снова зевнул. — Господи, почему мне здесь так хочется спать?

— На природе всех смаривает, — улыбнулась Монтана. — Воздух свежий, река, сосны.

— Просто надо вовремя ложиться спать, — проворчал Текила.

— Значит, мы начнём жарить часов в семь, — подытожил Мескаль. — Если вдруг станет тоскливо или скучно, знай, мы тут остановились. Только крикни — поможем, чем скажешь.

— Чем скажешь, — эхом откликнулся Вермут и тоже улыбнулся. Белозубо, приятно, открыто. И свои красивые каштановые волосы легко откинул со лба, так, что взгляд тоже стал чистым, светлым. Глаза у него были зелёные, яркие, взгляд — удивительно мягкий. — Мы к вашим услугам, принцесса.

Монтана зарделась и, отвесив им шутливый реверанс, пробормотала «ладно», а потом взяла Малышку за ошейник и ушла к себе, скрывшись за высокими зарослями папоротника и группой плотно растущих сосен. Вермут, проводив её взглядом, цокнул вслед языком, но она этого уже не услышала.

— Хороша, сучка, — сказал он тихо. — Как думаете, удастся наше барбекю?

Текила, неторопливо вытирая шею и промакивая волосы полотенцем, зашёл за спину друзьям, долго и задумчиво глядя Монтане вслед.

— Может, и удастся.

Мескаль и Вермут удивлённо обернулись и поглядели на друга. Затем, расхохотавшись, бросились на Текилу с тычками и шуточками, и он, увернувшись от

них,
засмеялся в ответ.

Вода была холодной, даже очень! Монтана не представляла, как это Текила мог в ней резвиться вместе с Малышкой: у неё аж дыхание свело, стоило присесть на бревне и опустить пятки на мерцающее в солнечных лучах дно. Малышка, виляя хвостом, поставила уши торчком, когда хозяйка взвизгнула и поджала ноги под себя.

— Чёрт! — выругалась Монтана и тут же прижала ладонь к губам.

За два месяца путешествия она так часто сквернословила, что не представляла себе, как будет сдерживаться дома. Родители с ума сойдут. Отец даже «чёрт» не может сказать, чего уж про другое. Поставить в трейлере банку, что ли? Будет класть по десятицентовику каждый раз, как выругается. Так и разориться недолго. Монтана, одетая в фирменную толстовку парка Глейшер и свободные, широкие джинсы, быстренько сунула ноги в носки, а потом — в ботинки.

Время было послеобеденное, и несколько часов наедине с собой, рекой и Малышкой Монтана провела просто замечательно. Это был тот отдых, о котором она так давно думала: всё время, как работала в этом чёртовом супермаркете. Правда, ей стало очень уж скучно, и она включила радио, чтобы немного потанцевать. Малышка тоже крутилась волчком, когда Монтана велела ей это, но веселья особого не было, и Монтана танцевала недолго: почему-то казалось, что за ней кто-то следит. Чувство было, как от пристального взгляда в упор. Монтана исподтишка осмотрелась, вдруг это её новые соседи? — но не нашла никого в чаще, залитой оранжевым дневным светом.

На обед была заварная китайская лапша с кисло-сладким соусом. На ланч — десерт: шоколадное печенье с зефиром. Скормив такую же порцию Малышке и потрепав её по лобастой, большой голове, Монтана завела собаку в трейлер и закрыла, не желая, чтобы она снова куда-нибудь убежала. А сама присела в тени навеса на разложенном складном стуле, который был достаточно широк и удобен, чтобы пригреться в нём и незаметно для себя задремать.

Солнце пекло лицо и руки. Монтана чувствовала, как его лучи пронизывают её насквозь, и она почти тает под ними, проваливаясь в сон. Она не могла бы вспомнить, что ей снилось. И не вспомнила даже, как над ней мелькнула чья-то тень, брошенная вскользь, словно кто-то прошёл мимо. Монтана не услышала едва слышного дыхания, и тот, кто пришёл к её трейлеру, крался бесшумно. Он внимательно посмотрел на Монтану — крепко ли та спит? — и незаметно прошёл к её Такоме, чтобы чутка поковыряться с ним, присев возле заднего колеса.

И ничто не нарушило покойного, тихого сна, пока Монтана сама не очнулась от него — зевнув и со вкусом потянувшись. И ничто не нарушило безразличного покоя реки, катившей свои воды сотни лет по этому руслу, ещё до того дня, как здесь появились люди, и готовой катить их сотни лет дальше.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТРИ-ОДИН

Keep Your Darkness Secret — Moto boy
Baby, keep your darkness secret
Down by the lake where you lost your heart
I'll be waiting with a shot in the dark

Don't let them know 'cause they won't understand you if you tell.

— Твою же мать, — пробормотала Монтана, глядя на острые колючки противоавтомобильной защиты, которые пропороли заднее колесо её Такомы. — Мать твою!

Как она вообще могла этого не заметить? И кто раскидал здесь ежей?! Какому светлому уму это понадобилось и зачем? Она выпрямилась и устало потёрла затылок. Затем приметила что-то там, внизу, у самой земли. Монтана снова склонилась к колесу и нахмурилась. Она увидела обрывок цепи, намотавшийся на шину, и разочарованно прижала ладонь ко лбу, пылающему после долгого сна на солнце. Малышка, которую она выпустила из трейлера, смирно сидела рядом, тихонько поскуливая, словно всё хорошо понимала.

Понимала, в какую задницу угодила её хозяйка.

— Мы влипли, детка, — грустно сказала Монтана. — Здорово влипли. Придётся убить весь вечер на замену колеса, а может, и пол-ночи тоже. Чёрт!

Сменить колесо на любой другой тачке не составило бы проблемы, но Такома была тяжеловата для Монтаны — и понадобилось бы много времени и сил на то, чтобы сменить шину на запасную, а день уже клонился ко второй половине. Поднявшись и отряхнув руки, Монтана свистнула Малышку, которая тут же притащила ей свой мячик, надеясь, что хозяйка всё же немного поиграет с ней.

— О нет, Малышка, полежи пока тут, — вздохнула Монтана и полезла в просторный багажник Такомы, чтобы достать домкрат и баллонный ключ, а ещё — тяжеленную запаску.

Сняв свою новенькую толстовку, чтобы не испачкать, и оставшись в одном только коротком топике и джинсах с низкой посадкой, Монтана кое-как справилась с запасной шиной, перевалив её через край багажника, хотя при этом здорово сбила дыхание и раскраснелась. Затем, вытерев пот со лба рукой, она пригляделась к ней…

— Твою мать, — вновь выругалась Монтана, глядя на разорванное колесо. — Мать твою, чтоб тебя! Вот же чёрт!

Других слов у неё не нашлось: было чувство, что шину кто-то разорвал новенькую, целенькую камеру в клочья. Как это случилось? Она не понимала и остолбенела, изумлённо глядя на свою запаску. Такое чувство, словно её выпотрошили ножом. Побелев, Монтана присела на топляк неподалёку и закусила костяшки пальцев. Что теперь ей делать? Куда деваться? У неё даже нет ничего подходящего, чем можно было бы залить дыру в уже порванной цепью шине и кое-как доехать до каких угодно отдыхающих вон там, пониже вдоль реки…

Вдруг её охватила надежда, она встала. Ну точно, эта троица! Они собирались устроить барбекю. Если это так, и они всё ещё здесь, всё не очень уж и плохо.

«Откуда ты знаешь, плохо или нет, — вдруг с запинкой подумала она и вздрогнула. — А что, если это сделали они? Они появились здесь — и вот у тебя лопается шина».

— На еже, — кисло поправила себя Монтана вслух и вздохнула, вдруг поняв, что не заперла дверь Такомы, и через салон в багажник мог проникнуть кто угодно, любой дикий когтистый зверь, который с перепугу вполне способен разорвать камеру, а потом… — Да ладно, это тоже бред.

Она закусила губу, пройдясь взад и вперёд по берегу вдоль реки. Нет, ей определённо некуда деваться, разве что придётся взять с собой Малышку и отправиться пешком вниз по реке, чтобы спросить помощи не у этих ребят, а у кого-нибудь другого. Монтана беспокойно заломила брови и взглянула на наручные часы. Они показывали уже пятый час: ещё немного, и лес накроет вечерняя тьма. Да, в горах всегда темнеет рано. Тогда, быть может, следует обождать до завтрашнего утра, а там и отправиться в дорогу?

— Да, — тихо сказала себе Монтана. — Так будет лучше. Однозначно.

Ей бы поужинать, вот только не хочется: нет настроения. Столько же миль отпахать без единственного прокола, без самого малого повреждения — и так прошляпить в парке! И как только она не увидела те шипы на дороге, разве что они были прикрыты листвой. Возможно,

она наехала на них, когда парковалась на обочине и сверялась с картой. Чем дольше и подробнее Монтана думала над произошедшим, тем яснее убеждала себя в том, что именно случилось.

Картина, реалистичная и без закавык, выглядела очень обидно.

По ней, выходит, Монтана была во всём виновата сама: неосторожно съезжала на землю, укрытую листвой, куда многие подонки-природозащитники имеют привычку совать не только ежи, но и антитаранку покрупнее, и вдобавок была столь беспечна в этой глуши, что забыла запереть салон джипа. Когда она нашла открытым окно позади, там, где обычно сидела Малышка, всё встало на свои места.

— Добро пожаловать в клуб неудачников, Монтана! — горячо поздравила она себя и вздохнула, задумавшись над тем, что мысль навестить соседей теперь не кажется такой уж подозрительной.

Ладно, хоть в чём-то она может быть спокойна. Зато не придётся тащиться вниз по реке.

В шестом часу, надев толстовку, купленную на въезде в парк, и переплетя волосы поопрятнее, а также уже по привычке сунув в карман шокер, Монтана взяла ящик с пивом в руки, свистнула собаку и, взметая оранжево-охристую листву подошвами ботинок, пошла через пролесок к бережку, где остановились Мескаль, Вермут и Текила. Уже совсем смеркалось, и чем ближе она подходила к месту их стоянки, тем скорее ветер доносил до неё ароматы костра и мяса, которое на нём готовилось. Малышка вывалила между клыков розовый длинный язык, очарованная аппетитными запахами. Да что там, у самой Монтаны от них текли слюнки.

— Даже не вздумай у них что-нибудь клянчить, — предупредила Монтана, и Малышка, точно всё поняв, жалобно облизнулась. — Иначе лишу тебя собачьего печенья. Предательница. Купилась на ласки и посулы этого… мужика.

Между деревьев в темнеющем пролеске словно тени скользили трое мужчин, занятых своими делами, и Монтана немного выдохнула — притом не без облегчения — поняв, что они сперва совершенно её не заметили. Они её здесь не ждали. Сдалась она им.

Конечно, не ждали, глупая, а ты как думала? Считала, они собрались вокруг костра, чтоб распевать с тобой «Кумбайя», а потом потрахаться — трое на одну — в свете Луны над рекой?

Вся подобравшись и держась очень собранно, и помня о шокере, что очень её обнадёживало, Монтана вышла к их тёмно-синей машине и сразу окликнула:

— Эй, ребята!

Вряд ли они расслышали её, однако Малышка тут же разразилась заливистым лаем и трусцой помчалась к Текиле, который подбрасывал щепок в костёр. На его широком разрумянившемся лице появилось удивление. Он вскинул брови, присел на корточки и с лаской принял Малышку в объятия, хорошенько трепля её по ушам и широкой шее, и она, повизгивая, завиляла пушистым хвостом.

— А вот и Монтана! — обрадовался Мескаль. — Принцесса, мы тебя чертовски рады видеть! Ты так к нам подкралась.

— Гляжу, ты не одна, — многозначительно сказал Вермут и галантно поклонился, подойдя к девушке. — Позвольте.

— Пожалуйста-пожалуйста, — она со вздохом передала ему ящик с пивными бутылками, и Вермут, потрясая своей добычей, как дикарь пойманной ланью, отошёл к костру.

— Ты же к нам на барбекю, да? — просиял Мескаль. — Проходи, мяса на всех хватит, даже на Малышку.

— Это очень мило. — Она порозовела. — Но у меня, увы, кроме пива совсем нечем разжиться. И я здесь не только ради барбекю, да и, откровенно говоря, совсем не из-за него.

— Ну-ка.

Монтана вздохнула. Мескаль подошёл к ней, вытирая руки от кусочков мяса и крови клетчатым полотенцем: он только кончил разделывать несколько крупных ломтей, подтаявших в сумке-холодильнике. Свои нечёсаные патлы он забрал наверх резинкой, так что Мон-

тана хорошенько разглядела его жилистую сильную шею и красивый разворот плеч, покрытых джинсовой расстёгнутой рубашкой, под которой, конечно, ничего больше не было. Монтана кашлянула в кулак.

— Это очевидно проклятый на машины месяц, — начала она, провожая взглядом Вермута: тот подошёл ближе к костру и кинул Текиле бутылку пива. Тот легко поймал, почти не глядя. Монтана восхитилась: вот это рефлексы! — Кто-то подстелил на дороге ежа, и я проехалась прямо по колючкам. Конечно, шина в лохмотья, но повезло, что меня не повело в пропасть на Дороге.

— Ещё как повезло! — с энтузиазмом откликнулся Мескаль и покачал головой. — Чёрт подери, что за идиоты это проделывают? Спорить готов, штучки местных.

— Грёбаных гринписовцев, — словно прочитав мысли Монтаны, озвучил Вермут и бросил бутылку уже Мескалю. Тот закивал, покачав указательным пальцем.

— Точно-точно. Чтоб их вздрючили грёбаные олени, которых они так яро защищают, дебилы.

Текила ничего не сказал. Он сбил крышку с бутылки о камень и, немного слив у костра поднявшуюся пену, отпил пива. Огонь бросал на него золотые и красные блики, взвивался искристыми оранжевыми мошками в воздух, и Малышка, совсем дурочка, ловила их пастью, щёлкая челюстями, однако они тлели и гасли, не успевая коснуться её влажного языка.

— Короче, я попыталась сама поменять шину, но… похоже, забыла закрыть тачку, и кто-то из дикого зверья ночью пробрался в багажник и порвал мне запаску. — Монтана развела руками. — Я не могу никак понять, хоть убейте, что со мной не так.

— Всё так, — успокаивающе похлопал её по плечу Мескаль, но Монтана не отстранилась: это было как-то безобидно, по-дружески, что ли. — Ничего, мы тебе поможем: уж если что, сгоняем в город на джипе, так же?

Да и сам Мескаль, озорной и улыбающийся, с карими глазами, подсвеченными светом от костра, смуглый, с красивой улыбкой и немного выдающимся вперёд прикусом на нижней челюсти был человеком некрасивым, вовсе нет, но таким обаятельным. Он располагал к себе, и был так спокоен и сдержанно весел, что Монтана даже как-то расслабилась.

«Всё будет в порядке, — выдохнула она. — Я здесь точно не застряну, тем более, одна. Со мной по крайней мере ребята».

Чего было хуже просто не придумать: одна и в густом лесу, пускай даже заповеднике — это, пожалуй, худший из возможных раскладов.

— Поможем принцессе? — усмехнулся Вермут и отпил пива.

«Принцесса» ей не нравилась, но от такого парня, как Вермут, подобное обращение было ожидаемым. Монтана лишь усмехнулась.

— Сначала пожрём, — обеспокоился Мескаль. Монтана с улыбкой покачала головой. — Нет-нет, не отказывайся! Мы разводили этот чёртов костёр, жарили это чёртово мясо, а теперь наконец-то оказались в лучшей из возможных компаний. Я заслужил ужин!

— Путешествовать с одними только мужиками ох как тяжко, — поддержал Вермут. — Ни манер, ни ограничительных рамок, ни элегантности. Жалко, что Линда не смогла с нами поехать.

Монтана почувствовала себя немного спокойнее, поглядела на Вермута:

— Кто такая Линда?

— Моя девушка. Она осталась дома, — махнул он рукой. Мескаль при этом хмыкнул себе под нос. — А мы с парнями подались на… кхм…

— На охоту, — хрипловато откликнулся Текила, вдруг вклинившись в разговор, и прочистил горло, отойдя от костра. Малышка, преданно заглядывая ему в лицо, трусила следом. — Тут на горе зимой можно охотиться с лицензией.

Мужчины смолкли, внимательно слушая Текилу. Он же кончил говорить и задумчиво отпил ещё пива.

— Так вы здесь до зимы? — ужасно удивилась Монтана и протянула. — Вот это да. Будете жить в охотничьем домике или типа того?

— Да, — серьёзно сказал Мескаль и с забавным видом пошевелил бровями. От этого контраста Монтане стало смешно. — Останемся втроём зимовать, как дикари. В крошечном домике безо всяких удобств. Без женщин, выпивки, только с одним радиоприёмником. Это будет как обряд инициации, понимаешь?

— Ну ладно тебе, всё не так скверно. Кто знает, зачем мы с Мескалем взяли с собой Вермута. Он у нас красивый, ладный такой, как девушка: зима долгая, мы с ним не заскучаем, — вдруг пошутил Текила, и сам Вермут поперхнулся пивом.

— Я тебе сейчас морду начищу! — пригрозил он.

Он был из них троих самым молодым и также — самым горячным и пылким; Монтана, глядя на его разобиженное лицо, весело рассмеялась, и двое мужчин вторили ей — все, кроме несчастного Вермута.

Итак, она осталась на барбекю. Было ясно, как день, что она останется: вся троица приглядывала за ней чертовски внимательно. Мескаль показал ей лагерь, разбитый весьма по уму. Вверх по течению от него была только сама Монтана, в остальном же дальше простиралось несколько абсолютно безлюдных миль, и вода в этом месте текла приятно чистой, но достаточно прогретой солнцем из-за того, что пролесок сильно расступался в этом месте. Когда Текила предложил ей потрогать воду, она поплескала в ней рукой и изумилась, что та была действительно не такой зубодробительно ледяной, как на её стоянке.

— Чем выше к горе, — добродушно пояснил Текила, — тем холоднее притоки с ручьёв. Хочешь водичку потеплее — спустись чуточку ниже.

— Текила в этих вопросах мастер, — откликнулся Мескаль, щипцами переворачивая мясо на решётке. — Ух и запах же плывёт… слюнки потекли. Кто голоден?

— Я, наверное, всё-таки пас. Пойду спать, ребята, — скромно отказалась Монтана, поглядывая на пролесок между разбитой туристической палаткой и тёмно-синим джипом, однако Вермут покачал головой:

— Нехорошо бросать наедине с барбекю твоих будущих спасителей.

— Да и потом, — заметил Текила. — На твоём месте, я бы держался сейчас поближе к людям. Остаться одной без средства передвижения — не самое безопасное, что может произойти на дикой природе.

— И ты говорила про какого-то зверя, который забрался в багажник…

— Наверное, это был какой-нибудь енот, — вздохнула Монтана.

— У енотов вряд ли хватит силёнок порвать записку, — покачал головой Текила. — Если так, то это был кто-то когтистый и большой. Я б не советовал идти одной по темноте.

— Ну, ладно вам, — прервал их Вермут. — В любом случае, не беспокойся. Садись с нами, давай-давай. Потом мы тебя все вместе доведём до трейлера.

— Текила проводит, — шутливо пихнул друга в плечо Мескаль. — Он при виде тебя так оживился.

— Заворковал.

— Разговорчивым стал.

— Ага, более разговорчивым, чем покойник…

— Заткнитесь, вы, оба, — беззлобно пробормотал Текила, прохромав к джипу и доставая из него несколько пледов.

Это было кстати: солнце закатывалось за горизонт, готовое вот-вот погаснуть, и от воды тянуло холодом.

Монтана поблагодарила, когда он протянул ей плед, и села рядом с Вермутом возле костра на бревно, которое мужчины протащили по песку с берега. На другом бревне, которое они уложили совсем рядом, устало опустился Текила. Мескаль был на раздаче, раскладывая мясо по одноразовым бумажным тарелкам. Все вместе, усевшись возле огня, они открыли ещё по бутылке пива и чокнулись ими, протянув руки над костром.

— За неожиданную встречу! — провозгласил Вермут.

— За неожиданную — и приятную, — прибавил Мескаль.

— Сперва помогла вам я, а теперь помогаете вы мне, — заметила Монтана.

Текила не сказал совсем ничего, но сразу откусил здоровенный кусок мяса, от которого исходил аппетитный дымок. Положив морду ему на колено, Малышка с печалью в глазах наблюдала за тем, как барбекю исчезает с тарелки.

Мескаль вгрызся в мясо зубами и огорчённо крякнул:

— Эх, не хватает маринада. Мой папаша так здорово маринует мясо, закачаешься. Нужны вино, чеснок, орегано и чёрный перец — всё это измельчаешь, втираешь в мясо, ставишь в холодильник на пять часов и…

— Захлопнись, будь так добр, — любезно посоветовал Вермут. — Монтана, а ты сама откуда будешь?

— С Северной Дакоты, — она осторожно попробовала свой кусочек и с удивлением вскинула брови. Мескаль прекрасно готовил.

— А конкретнее?

Она не видела ничего плохого в том, чтобы назвать дыру, в которой выросла.

— Вест-Фарго, Майнот.

Да, та самая полумёртвая пустошь в округе Вест-Фарго, городок Майнот, ничем не примечательное место на пять тысяч жителей, которые с каждым годом всё стремительнее съезжали оттуда в поисках персонального счастья — или вслед за ветром, который гнал прочь, прочь из города, похожего больше на загнивающую, незасыпанную братскую могилу. Был бы у Монтаны запал покинуть Майнот — по-настоящему покинуть, а не просто уехать в путешествие, чтобы потом вернуться, распрощавшись со своими мечтами и желаниями и остаться там кассиршей в супермаркете — и она бы, мать твою, сделала это, даже не раздумывая. Там наступали такие дни, когда ей хотелось выть от необъяснимой пустоты в сердце, и от безнадёжного осознания единого страшного понимания: вернувшись со своего пути, с сияющей дороги в парк Глейшер, она навсегда останется там, в Майноте, скреплённая телом с той землёй, родительским домом и магазином, и душой похороненная где-то в коробке, где хранила выпускную золотую ленту и шапочку, фотоальбом из старших классов, корону королевы бала, стопку карточек из проявочной — такие длинные ленты, где она с подругами и она с юными своими любовниками щёлкалась: шесть снимков за пятьдесят центов, чёрно-белые или цветные свидетельства того, каким было её сердце — живое, горячее, верящее в своё необыкновенное будущее.

— А я из Мексики, из сраной дыры, называть не буду, она того не заслужила, — с удовольствием сказал Мескаль и закурил. — Вермут вон…

— Про меня уже рассказывали, успокойся, — махнул тот рукой.

Монтана рассмеялась. Их вечные препирания её забавляли. Это была беззлобная ругань двух хороших друзей, которые могут даже поколотить друг друга — и всё равно пойдут вместе пить пиво тем же вечером.

— Текила — он с севера. С Аляски.

Текила жевал мясо, сунув его за щёку и опустил глаза в тарелку. Он закивал, подтверждая — факт, с севера, так и есть.

— А откуда именно? — Монтана напрягла память, стараясь припомнить аляскинские города. — Э-э-э… Ном? Ситка? Кадьяк?

Текила что-то тихо сказал. Монтана неловко улыбнулась, не расслышав. Вермут проворчал:

— Хватит жевать, чёрт подери, пока балаболишь.

— Архипелаг Александра, — кашлянув, куда громче сказал Текила и положил последний кусок на ладонь. Он протянул её Малышке. Та, облизнувшись, заскулила, но взяла мясо, только когда Текила цокнул языком.

Монтана удивлённо смотрела на свою собаку, которая впервые ела безо всяких шалостей и непослушаний по команде. Проглотив барбекю, она спросила:

— Как это ты так её научил?

— Мы много собак дома держим, — привычно сказал Текила и отряхнул руки. — Будешь ещё пива?

— Его мать была той ещё сукой и здорово воспитала этакого сукиного сына! — захохотал Вермут. Мескаль лишь тускло улыбнулся.

Текила исподлобья взглянул на Вермута: недобро, долго. В его непроницаемых тёмных глазах не было больше никакого выражения. Монтане стало не по себе. Обратившись к нему, она сказала, чтобы отвлечь:

— Ты спрашивал про пиво… можно мне ещё?

Текила молча передал ей бутылку, явно интересуясь скорее ужином, чем разговорами. Может, это из-за Вермута, а может, просто потому, что он был неразговорчив в принципе. Малышка снова заскулила, положив лобастую голову ему на колени, и Текила легонько почесал её за ухом.

— А кем работаешь, Монтана? — продолжил Мескаль, отпив из бутылки.

Она дёрнула плечом: отвечать не больно-то хотелось. Что она ответит? Что вкалывает продавщицей в супермаркете вот уже шесть лет, после школы не получив никакого образования, даже профильного хотя бы? Что профукала лучшие годы своей жизни и растеряла все связи, все ниточки, которые вели бы к малость чему-нибудь хорошему? Что в жизни её ничего не изменилось за это время, и она из дома сбежала колесить по дорогам, потому что иначе сошла бы с ума в своём магазине?

— Да так, — ответила она неопределённо, — то тут, то там подрабатываю, пока… не знаю толком, чем хочу заняться.

— Вот и мы такие же, как перекати-поле, то туда, то сюда, сегодня здесь, завтра там, — оживился Мескаль и протянул тёмный бок пивной бутылки над огнём. И почему-то Монтане стало немного легче, ведь никто из них здесь не был, очевидно, успешным, из достигаторов. — Давай выпьем за это, что ли! Ты, сестричка, получается, нашего роду-племени.

— Выходит, что так, — призналась Монтана и чокнулась с ним: бутылки издали тихий стеклянный звон. — Вообще, по-честному, я всё хочу оттуда уехать.

— А? — непонимающе протянул Вермут, явно отвлёкшийся на какие-то свои мысли, и поднял голову к ней.

— Из Вест-Фарго, — пояснила Монтана и поёжилась. — Ну, всё думаю перебраться в город побольше. Знаете, там можно легко начать всё с начала.

— Все мы, наверное, хотя бы раз так думали, — заметил Мескаль, с пониманием поглядев в тёмные глаза Монтаны, в которых горели отблески костра. — С начала начинать куда проще там, где тебя вообще никто не знает. Большой ли город, маленький ли, всё равно — но в большом всем на тебя больше плевать, и это к лучшему. Или найдут способ быстро почикать у мечты крылышки. Этим очень любят заниматься что родители, что друзья наиближайшие: только подпустишь кого к себе, сразу в горло вопьются и ну давай нравоучать. Будто лучше тебя знают, как следует распорядиться жизнью.

— Знакомо, — рассмеялась Монтана.

— Да, — сказал Вермут. — У этих подонков только на бумаге всё гладко.

— Лишь бы люди по дороге к этой мечте попались хорошие, — тихо произнёс Текила, глядя в огонь. А затем вздохнул и, поставив пустую бутылку на землю, взял ещё пива.

Они ели и пили, дожарили и прикончили остаток мяса и позже, когда уже совсем стемнело, догнались сырной нарезкой и дешёвым зефиром из большой семейной упаковки. Текила набрал в темноте сухих прутиков, почистил их ножиком от коры, помыл, прокалил над огнём и нанизал на острые концы белые зефирины. Монтана, уютно обняв себя под одеялом и завернувшись в него так, что торчала только голова с заплетённой тёмной косой, наблюдала за этим с неясным теплом на сердце. Это всё была частичка приятных воспоминаний из её школьного прошлого: они с классом частенько ездили вот так в лагерь недалеко от города, отдыхали в лесу, жарили зефир на «залысине» — так звали пятак выжженной земли возле костра, чистой от разнотравья, когда всё кругом поросло бурьяном. Потом травили страшилки и ещё какие-нибудь дурацкие байки. Сплетничали. Обсуждали вожатых, тех, что посимпатичнее. Втайне от них приносили пиво и распивали бутылку, передавая её по кругу. Когда Вермут внезапно принёс из машины «Джек Дэниэлс», Монтана рассмеялась, с её губ слетел холодный парок. Это так совпало с её воспоминаниями, что она обрадовалась не столько алкоголю, сколько этому приятному знаку судьбы. Получается, компания впрямь стоящая! — так она подумала, расслабленная едой, выпивкой и теплом.

— Будешь? — обрадовался Вермут и скрутил крышку.

— Нет-нет, я не люблю виски, — поморщилась она. — Просто всплыло в памяти, как мы в лагере с ребятами втайне ото всех пили пиво у костра.

— Одна бутылка на всех и все на одну, — понимающе улыбнулся Мескаль и взял у Вермута тёмно-янтарный виски. Стеклянный бок его горел на просвет у костра. — Это так, для согрева: ночь-то холодная.

— Может, пора расходиться, — заметила Монтана.

Мужчины смолкли, стало совсем тихо. Только на земле, в золе, собранной под ветками, потрескивали отлетавшие щепки. Монтана покосилась на небо: вон как стемнело, и тьма эта обступила и её, и их маленький лагерь. Ей вдруг захотелось обратно, к себе в трейлер, и остаться там одной. Лучше — крепко запереть его и уснуть, чтоб скорее наступило утро… Но Текила вскинул брови.

— А зефир? — как-то по-детски разочарованно протянул он, и Монтана не сдержалась, рассмеявшись.

Он это сказал настолько невинно, и лицо, всегда очень серьезное и закрытое, без ярких эмоций, стало таким очевидно растерянным, что она даже расслабилась: и чего только испугалась? Ночи? Ну так в лесу всегда темнеет стремительно, а в компании этих ребят — они кажутся надёжными и вполне нормальными — даже безопаснее, чем одной, если так поглядеть. Парни тут же бросились подшучивать над Текилой и его зефиром и всё же затянули «Кумбайя», отчего Текила закатил глаза. Монтана повертела свой зефир на палочке, наблюдая за тем, как чернеют его белые бока, и сдалась:

— Ладно, можно ещё немного посидеть. Куда торопиться-то.

Где-то вдали над деревьями, в чаще, гасли крики ночных птиц.

— И в самом деле, — подмигнул Мескаль и незаметно переглянулся с Вермутом, припавшим губами к бутылке виски, — куда?

— А после школы как-то не вышло никуда поступить. Вот так всё и кончилось, даже не начавшись, — продолжила Монтана, приложившись к бутылке виски.

Она сделала маленький, крохотный совсем, глоток, но и его хватило, чтобы обжечь горло. Виски не просто жарко разгонял кровь по рукам и ногам, но и развязывал язык. Сгрудившись у костра, четвёрка не замечала, что времени было уже за полночь: они делились деталями своей жизни, сшивая их из коротких и рваных отрезков слов в лоскутное пёстрое одеяло из искренности. Монтана передала бутылку Текиле и заметила, что он помедлил прежде, чем отпить, и долго смотрел на горлышко. Ей стало тепло на сердце, впервые за долгое время тепло, как не было даже дома: вот казалось бы, это чужие люди, незнакомцы, так, какие-то мужчины с дороги, но смотри-ка, им можно раскрыть душу, пожаловаться, рассказать то, чего родным не скажешь. Как это? Монтана знала, что дело не в алкоголе: шмыгнув носом, утёрла его тыльной стороной запястья. Весь секрет — в них самих. Мескаль — приятный чуткий собеседник. Вермут — тот ещё засранец, но порой делает меткие замечания, такие, что мурашки по коже бегут. Текила — хороший слушатель. Так, как он молчит, не каждый сумеет: по глазам видно, пусть он и не смотрел на Монтану очень уж часто, что не упустил ни слова.

Вот и вышло, что она рассказала им про себя если не всё, то отчасти — чистую правду. Дома — родители и братья-сестры, всё привычное и давно знакомое, и она, в каком-то смысле — семейное разочарование. Не хватило ума хорошо учиться в школе, недостало терпения поступить в колледж. Неправильно расставленные приоритеты совсем ещё юной тогда девушки подсказали то, что позже стало роковой ошибкой: она прогуляла и протанцевала всё это время, прожгла жизнь в легкости и веселье, а потом осталась ни с чем, увязла в своём чёртовом провинциальном городишке, покуда все её знакомые — ну или почти все, кроме таких же неудачников — упорхнули словно птицы кто куда, навстречу взрослению, будущему. Жизни.

А она осталась. Вот так и случается, что не у всех выходит найти свой хэппи-энд.

Мескаль, почуяв, что пауза в её рассказе превратилась в молчание, вздохнул и подсел ближе. Он набрался, но был не то чтобы очень пьян; так, скорее, слегка навеселе. От него приятно пахло табаком и алкоголем. Губы, большие и чувственные, раздвинутые в полуулыбке, были очень уж близко от Монтаны, и она, окинув его лицо долгим взглядом, вдруг подумала: такие же они на вкус, как виски, или всё же нет?

Что-то в обстановке этого вечера внушило ей трепет, и после того, как они разговорились откровенно, она расхотела уходить, почти отмахиваясь от назойливого голоса разума.

Это такая приятная компания и такой хороший ужин… и чего она так долго сопротивлялась, чтобы сюда прийти?

Она кивнула вместо «спасибо», когда Вермут открыл ей бутылку пива и передал, непочатую, в руки. Монтана сделала большой глоток. У пива был слабый странный привкус, но возможно, это из-за виски: хотя Монтана его только пригубила, все равно, как говорил отец — градус алкоголя лучше не понижать. Она заела пиво зефиром из пачки, внимательно слушая Мескаля.

— Меня сам Бог от учёбы отвёл, — начал он, — когда я родился в своей дыре.

Вермут рассмеялся. Текила хмыкнул, почёсывая за ухом дремлющую на его колене Малышку. Мескаль горячо воскликнул:

— Парни, о чём вы?! Что за смешки?! В моем квартале не каждый пацан доживал до четырнадцати; когда из картелей ребята на улице сколачивались в банды и шли стенка на стенку, присоединиться к ним нужно было обязательно, иначе всё! — он мазнул себе по шее большим пальцем и вдруг посерьёзнел. — Я, между прочим, неплохо учился, но когда нашу школу подожгли, а потом так и не открыли заново, я в этом усмотрел знак судьбы. Не по своей воле все мы порой встреваем в задницу, из которой чёрта с два выберешься.

— Они говорят, ну те, кому повезло больше, — вдруг тихо сказал Текила, задержав горлышко бутылки у своих губ и не отпив, — это просто: жить по-другому. Просто тем, у кого папаша — биржевой магнат или бизнесмен, и кто живёт на родительские капающие проценты и не знает проблем, как заработать и на что жить. Если ты не родился с золотой ложкой во рту, вряд ли потом тебе кто-то её бережно вложит. И это не страна возможностей, нет, — он поморщился, как-то болезненно вздохнул, будто ему было в собственном теле тесно. Монтана сочувственно склонила голову себе на плечо. — Сброд вроде нас — это трамплин для богатых. Что-то вроде травы на их поле для гольфа.

— Ты, наверное, таких как я презираешь, — усмехнулся Вермут, загадочно мерцая в темноте зелёными глазами: ну вылитый лесной кот, особенно теперь, в своей клетчатой рубашке и жилете, с растрепавшимися каштановыми кудрями. — Кому всё далось с рождения, и они это самое всё профукали.

— Дался ты мне. У тебя был шанс, — коротко сказал Текила и пожал плечами. — У меня его не было.

А потом хлебнул виски и словно в знак примирения передал Вермуту бутылку. Тот, подумав, принял и задумчиво кивнул.

— Что ж, — сказал он, — звучит справедливо. Все мы здесь, выходит, хреново распорядились своими жизнями.

— На том и держимся, — отсалютовал смеющийся Мескаль.

— Ну будет вам, парни, — воскликнула Монтана, с укором поглядев на них по очереди. — Разве это важно? Важнее ведь то, какие вы люди. В плане сердечности.

— Да?

— Погоди, дай принцесса договорит! — загалдели они. Текила молчал.

— Немногие бы со мной так душевно возились, — продолжила Монтана, чувствуя к ним необъяснимую симпатию вкупе с усталостью… сильной усталостью… такой, что клонило в сон. — И я бы немногим доверилась. Но я ещё тогда, на дороге, поняла, что вы в общем-то хорошие ребята.

— Мы такие и есть, — с усмешкой сказал Вермут.

Монтана кивнула, сжав кулаки и тут же разжав их. Пальцы показались распухшими и слабо гнулись. Перед глазами вдруг всё поплыло. Она привстала с бревна и хотела сказать, что,

наверное, ей всё же нужно вернуться в трейлер, однако ноги заплелись, да и язык тоже отказал — и она едва не упала к костру, если бы не подхватил Мескаль.

Дальше всё было как в тумане. Он набегал с речного берега в чащу и тянулся белёсыми клочьями по кустарникам и кочкам, и Монтана отстранённо подумала, что каким-то образом он проскользнул и к ней в голову. Голова эта перестала соображать; всё было то ли сном, то ли явью — и зыбкая ночь дрожала на периферии зрения тканью пространства, подёрнутой аберрацией.

— А псина?

— Всё с ней нормально, я ей скормил мелаксен. Она дура совсем, щенок ещё почти что. Не поняла, что он в мясе.

— Ай, хорош… ну-ка, посади нашу принцессу.

Монтана ощутила: её подняли куда-то, а затем прислонили к большому, мягкому и тёплому. Это человек. Ее посадили на руки человеку. Она уронила голову на грудь, словно спросонья, но её подняли за подбородок и коснулись губ поцелуем — жёстким, быстрым, болезненным. Почти силой раскрыли рот языком и пошарили им внутри, скользя по зубам. Вкус чужой слюны перемешивался со вкусом виски, но не мог изгнать странной лекарственной вязкости, охватившей всё нёбо. Монтана слабо дёрнулась. Кто-то — Текила — перехватил её под грудь и мягко сжал в руках. Монтана кое-как поняла, пока плыла в облаках той дряни, которой её накачали

это было в пиве, она уже не сомневалась, ох, ну какая же она дура, что всё же доверилась… но не чужие же люди, как же так, она же им помогла

что её усадили Текиле между ног, и он теперь фиксирует её, держит, но ничего больше не делает. Разве что в поясницу ей упирается его стояк, жжёт даже через толстовку, и дыхание овеивает шею. Он убрал её волосы себе на плечо и просто коснулся кожи возле уха щекой: Монтана почувствовала слабый укол щетины. А затем что-то брякнуло, от костра в небо полыхнули искры, и Монтана провалилась в бездну полусна, не сразу поняв, что её насилуют в рот.

Это был Мескаль. Задыхаясь, Монтана подняла почти не видящие глаза и кое-как разобрала его долговязую фигуру. Податливая и неподвижная, словно кукла, девушка не сопротивлялась, когда с неё спустили джинсы.

— Эй, — сказал над ухом Текила, и голос его странно вибрировал в груди, отдаваясь сквозь спину Монтаны и ей в самое сердце. — Ты давай поосторожнее.

— Что с тобой? Решил в джентльмена сыграть? Не забудь, подержи её для меня.

Это был Вермут. Монтана не сразу сообразила, когда вынырнула из тьмы и, оказалось, уже лежит где-то

шершавая поверхность, по которой скользит и царапается из-за коры её тело — это бревно у костра

притом кашлять хочется страшно, но рот занят: мужчина в нём разошёлся в своём темпе; ему слишком хорошо, он готов спустить. Как сквозь вату, до тела Монтаны дошли тяжелые толчки откуда-то снизу, и она едва разобрала пару мужчин, пристроившихся к ней. Её распирало изнутри, и если бы не препарат, она не смогла бы выдержать этого, не смогла — впервые кто-то брал её силой. Один из мужчин, быстро разгоняясь, дёрнул Монтану к себе за бёдра и кончил. Она поняла это по его судороге, прошедшей внутри её тела. Он вышел, вытер конец о её джинсы, и его место тут же голодно и жадно занял второй. Он никуда не торопился, темп был тихим, член казался не таким длинным, скорее, широким и заполняющим собой всё пространство. Он положил руку на живот Монтане, и когда входил, мягко давил, так, что ей самой было тепло, а в теле что-то разгоралось и тлело; от этого она становилась чуть влажнее, и было не так больно.

Зато гораздо, гораздо более страшно.

В какой-то момент Монтана, безвольно лежавшая под звёздами, поперхнулась спермой — Мескаль тут же вышел и вытерся о её волосы. Когда голова её слабо упала на бревно, Монтана увидела плотный широкий силуэт, тень, так надолго прильнувшую к ней. Она её узнала, эту тень: Текила. Это был Текила. Вот же тихоня, а она его пожалела! С такой мыслью Монтана то проваливалась в сон, то выныривала из него.

Дальше всё погрузилось в темноту. Иногда она рассеивалась и что-то видела

Вермут жадно кусает её грудь, но она почему-то совсем ничего не чувствует

что-то, отчего будет страшно потом

Мескаль поменялся с Текилой, только тот не пристроился к Монтане: присев на корточки, что-то вытирал с её лица мокрым полотенцем

но не сейчас, когда сознание плыло. Тени от костра ожили, закружились вокруг Монтаны. Кругом стало душно и черно. В последний, совсем угасающий миг, она подумала — а где моя собака? И отключилась насовсем.

Она не знала, что с ней было дальше, весь остаток ночи, но узнала только наутро, и к сожалению, это был не кошмарный сон.

Все худшие кошмары приходят в наши сны из реальности.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПЛАТА

Drean — Cloud Boat
Do I have to fight?
There's nothing left to lose
Do I have to struggle?
The walls are caving in
Death is coming.

Ветер был таким сильным, что густые древесные кроны шумели словно море, и этот звук — звук лесного прибоя — доносился до Монтаны вроде бы издалека, но так, будто её вот-вот захлестнут эти волны, и она захлёбывалась в своём мутном сне и тонула там, кувыркаясь и падая в могильную черноту. Что-то шевелилось в ней, как черви в гнойной ране; что-то стерегло в темноте. Разум заточил её беспокойный дух в тесную клетку. Она кричала себе — «Проснись!», а деревья шумели всё ближе и громче, пока наконец тьма не сомкнулась над головой.

Тогда Монтана резко открыла глаза, тяжело задышала, беспокойно заозиралась, дёрнулась и… поняла, что связана. Её сильно тряхнуло, и она чуть было не скатилась с сиденья на пол, но кто-то сумел придержать и притянул к себе ближе. В уголках глаз запеклись и загустели слёзы, из-за этого Монтана с трудом подняла веки и разлепила ресницы, а когда сделала это, увидела подбородок с лёгкой бородкой, иссиня-чёрные кудри, светлую дублёнку. Текила, конечно же. Он держал её на коленях и, приобняв за плечо, следил, чтоб не упала. Там, где они были

машина, это машина! Куда её везут?

нещадно трясло. В уголке тёмного окна проплывало ночное небо. Деревья царапали его корявыми кронами. До Монтаны только теперь дошло: осень пришла, уже конец сентября, двадцатое число. Ей бы надо домой, а не таскаться в трейлере в одиночку…

«Ты сама этого хотела, — горько подумала она. — Ты сама этого добилась. Одинокая девушка в лесу на тачке с разорванной запаской и проколотой шиной. А чего ты вообще ожидала? Дура, дура».

Клясть себя было упоительно легко, но бесполезно. Это делу ничем не помогало. Впрочем, соображать как-то ещё она не могла — в голову словно напихали ваты, и Монтана могла думать только о том, что её изнасиловали трое. Тело, накачанное каким-то препаратом, похожим на общую заморозку, как у стоматолога, но не только для рта, а для всех конечностей, пока что ничего не чувствовало. Только в самом низу живота что-то откликалось эхом тупой боли, тянущей, как во время менструального цикла.

Руки у Текилы были обманчиво тёплыми, сухими, совсем не противными. Это не были руки насильника, какими Монтана их представляла: непременно омерзительными, потными, влажными. Он держал её и ласково водил кончиками пальцев по шее, ерошил пушок на затылке: со стороны и не скажешь, если понаблюдать, что этот мужчина изнасиловал её. Это напугало Монтану больше прежнего. Вдруг Текила опустил на неё взгляд. Он моментально заметил, когда она проснулась, и внимательно посмотрел прямо в лицо, однако, когда Монтана кое-как приоткрыла пересохшие, покрытые коростой губы, он лишь приложил к ним указательный палец и едва заметно покачал головой.

Внезапно к Монтане вернулась возможность слышать: кто-то выкрутил тумблер обратно на полную мощность, так что враз стало очень шумно. И она услышала, что Мескаль и Вермут, конечно, пьяные, что-то голосят на испанском, сидя впереди.

Руки заледенели, по спине пробежали мурашки. От страха Монтану сильно затошнило, закружилась голова; может, на это наложилось, что она постепенно отходила от «заморозки», но хуже был дикий ужас перед трио насильников, которым она так наивно доверилась.

«Но ведь я вам помогла там, на дороге. И потом… как же так…».

Текила убрал руку от её лица, удостоверившись, что она не станет кричать; напоследок лишь провёл подушечкой большого пальца по смятым, как цветок в грубом кулаке, и искусанным, истерзанным губам. Это бесполезно: цветы такие не оправляются, если по ним небрежно ударить или сорвать. Они просто зачахнут и погибнут, и Текила с Монтаной хорошо это знали. Он хладнокровно отвернулся от её взгляда, полного ужаса, укора и боли, и стал смотреть вперёд, на дорогу, освещаемую фарами. Очень скоро Монтану тряхнуло так, что она снова подпрыгнула на сиденье, подозревая, что Вермут — он был за рулём — не шибко печётся насчёт того, чтобы сделать поездку более-менее безопасной.

Даже сейчас, с нарывающей между ног болью и поясницей, чувствовавшей каждую кочку так остро, словно в самую кость вонзили раскалённую кочергу, Монтана элементарно боялась разбиться на машине из-за пьяного ублюдка.

Она по инерции схватилась ослабевшей рукой за пояс Текилы, за оплету кожаного ремня, и заметила в уголках его губ тень слабой улыбки. Впрочем, он тут же глухо сказал:

— Полегче, хотелось бы живыми доехать.

Доехать куда? Куда они её везут?

Впервые мысль об этом прошила висок Монтаны, и она почувствовала, как тонет в нарастающей панике. В мозгу пробудилась единственная пульсирующая мысль — где Малышка? — и Монтана испугалась за неё больше чем за себя. Но как нарочно, она тут же заметила в ногах у Текилы отблеск рыжего меха и болезненно скривилась. В темноте она не могла понять, то ли собака издохла, то ли просто спит. Зачем, правда, им вести с собой дохлую собаку… это придавало ей надежды, что питомица жива, и узел в груди немного подраспустился.

Как долго они так тряслись в тачке, она не понимала: знала только, даже в темноте, что это не её «Такома», а скорее всего, машина троицы. В голове всё помутилось, она не могла толком вспомнить ни номера, ни марки машины, ни цвета… это казалось каким-то дурным сном, хотя она прекрасно понимала, что не спит, однако надеялась: если закрыть глаза и крепко зажмуриться, может быть, окажется, что она просто выпила лишнего и ей это привиделось.

Сколько-то они ехали по дрянной дороге и тряслись так, что Монтана буквально вцепилась в Текилу, чтобы не свалиться: то ещё было, наверное, зрелище. А потом всё стало малость лучше и они покатили ровнее, либо Вермут, может, немного протрезвел: в любом случае, трясти перестало, но вместе с тем к Монтане пришла тошнота, какая бывает в тех случаев, когда не чувствуешь движения и кажется, что тачка не едет, а стоит на месте.

Было уже очень далеко за полночь и скорее ближе к рассвету, когда они забрались в лесистое предгорье и двинулись вдоль вековых высоких деревьев, которыми поросла здешняя земля. В темноте Монтана не видела ни черта в уголке окна, куда так старательно заглядывала: только середину деревьев-исполинов и кроны крошек, но чаще там была только непроглядная тьма и небо фактуры черепахового гребня: с широкими пятнами, чёрными и посветлее, являвшими собой тучи и само беззвёздное полотно. Если бы она могла подвинуться чуть левее и посмотреть перед собой в большое окно, а не пялиться в спинку водительского сиденья, то увидела бы весьма приличный дом, окружённый каре из леса. Вокруг него не было ни единого проблеска света, кроме как естественного лунного свечения: ни фонарей, ничего подобного здесь вовсе не наблюдалось, и только широкие полосы лучей от фар равнодушным призрачным бликом скользнули по крыльцу — а потом тачка встала на месте.

— Приехали, — заплетаясь, весело проговорил Мескаль. Похоже, он был самым пьяным из всех. — Выводите разлюбезную нашу леди! И вот ещё что: мне нужно отлить…

Вспомнив, что он затолкал ей член в рот, и подумав, что может повторить это после того, как помочится, Монтана едва совладала с тошнотой и, собрав побольше слюны на языке, незаметно сплюнула её вместе с маслянистым вкусом чужой плоти прямо на пол машины. В тот же миг её мягко посадили. Текила вышел первым, следом был Вермут. Мескаль безуспешно

подёргал дверную ручку, но сперва совладать с ней у него не получилось: после он всё же сделал это и вывалился наружу.

— Пошли, — произнёс Текила, раздражённо скинул наброшенную на плечи дублёнку и открыл дверь со стороны Монтаны. — Давай, давай.

Она послушно подалась вперёд, и он, подхватив её под локоть, вытащил наружу и повёл за собой. Ноги не шли, колени сильно дрожали. Только тогда Монтана поняла из-за того, что стало слишком холодно: на ней внизу нет совсем ничего кроме трусов и ботинок. Всё её тело охватила мелкая дрожь, но не из-за зябкого ветра. Захотелось оказаться в своём трейлере, подальше отсюда, а лучше — сразу дома… но откуда ей было знать, что мужчины, когда она отключилась, принялись обмозговывать, куда же деть трейлер и тачку так, чтобы никто ничего не заподозрил — а главное, что делать с ней.

— Оставить здесь, — предложил Текила, — и уехать самим. Вряд ли она за нами бросится в погоню или будет искать.

— Это вообще исключено, — огрызнулся Вермут. После секса и выпивки к нему снова пришёл гнев, который он так старался всеми силами избыть, а оказалось, только подкармливал. — Мы этой сучке рассказали про наш дом в горах, если ты забыл.

— Про твой дом, — сухо поправил Текила. Мескаль рассмеялся, Вермута это взбесило.

— Ты что думаешь, подонок, отмазаться и всё скинуть на меня?! — ощетинился он. — Если девка сболтнёт кому про то, кто её полировал со всех сторон, вы оба пойдёте вместе со мной за решётку — и я уверен, нам найдут ещё что предъявить! Она нас прекрасно помнит и потом ещё услужливо пальчиком ткнёт, когда копы нас поставят к стенке.

— Давайте её похитим, — рассмеялся уже здорово опьяневший Мескаль и приложился к бутылке виски. — Давайте сделаем её своей секс-рабыней. И по хозяйству чтоб всё тёрла попкой кверху, как Золушка из сказки.

— Может, она тебе тоже что-нибудь потрёт, — огрызнулся Вермут. — Если попросишь.

— Успокойся, — холодно сказал Текила: Монтана лежала ногами на бревне рядом с ним, а головой и грудью у него на коленях. Он спокойно опустил на неё руки, слегка прикрывая её разорванную на груди майку тёмными большими ладонями. — Никто отмазываться не будет. Мы сделали это втроём. Поэтому втроём нам и думать, что будет дальше.

— Не строй из себя святого, ты, — выплюнул Вермут. На Текилу он всегда много злился, особенно в последние дни, но сейчас его хладнокровие и спокойствие прямо-таки выбешивали. — Ты её трахал ничуть не меньше нашего. Не такой-то уж ты и чистюля, ублюдок, каким хочешь казаться.

— Похоже, она действительно в его вкусе, — рассмеялся Мескаль и сделал ещё глоток.

Текила медленно моргнул и обратил взор на Вермута: в глазах его было что-то такое, отчего ярость у того поугасла. Что-то, чего Вермут ни у кого никогда не видел и понять не мог, но определённо с чем он не хотел бы встречаться и бороться.

— Мы можем оскорблять друг друга сколько душе угодно, — продолжил Текила ничуть не потеплевшим тоном. — Но надо понять, что делать. Скоро рассветёт. Что, если сюда кто-нибудь приедет?

— Кто? В эту глушь? Не приезжали раньше, а теперь все разом попрутся? — рассмеялся Вермут, будто бы смех помогал ему справиться с неумолимыми доводами рассудка, которые выговаривал Текила, этот человек с тёмным лицом и безразличным взглядом.

— А это закон подлости. Всегда так и бывает. Вот ты сидел себе, пивко попивал, никого не трогал, но стоит что-то набедокурить, раз — и жизнь тебе по-сучьи подкидывает проблем: кто-нибудь проедет мимо, кто-нибудь решит остановиться на этом же берегу реку, кто-нибудь притащится сюда по работе — кто-то вроде рейнджера или типа того.

И он говорил так спокойно и равнодушно даже, что Вермуту сделалось не по себе. А правда, работает такое правило, есть такая неумолимая штука, как тайное, которое неизбежно

тянет стать явным. Может, стоит тогда вправду что-то быстрее предпринять? Он вспомнил девушку на дороге — и её хлюпика-парня, которого они отделали так, что на нём живого места не осталось. А здорово они придумали поджечь машину и уехать: огонь всё очищает, убирает любые улики.

— Может, подожжём трейлер, а её оставим где-нибудь неподалёку? — спросил он.

Мескаль даже пьяным округлил глаза:

— Ты в себе? Она нас опишет, дурень, мы ж должны здесь втихую затаиться до весны, а ты думаешь, удастся вот так провернуть, что нас с её наводками ни одна живая душа не увидит? Бред какой.

— На дым и огонь рейнджеры приедут ещё быстрее, — сказал Текила, спокойный до такой степени, что импульсивному Вермуту захотелось его ударить. Ударить этого сукиного сына прямо по мерзкому лицу, но кулаком хватить его мало: заточкой, ножом, чтоб потекла кровь — это да.

— Тогда что ты предлагаешь, святой? — ухмыльнулся Вермут. Мескаль улыбнулся вместе с ним. Вермут знал, что теперь кличка приклеилась к Текиле, как второе имя, третье точнее: второе-то и было его прозвищем. — Уж поделись гениальным ходом мыслей, может, мы как-нибудь да спасёмся благодаря тебе.

И Текила невозмутимо рассказал. В темноте перед этим рассказом блеснули его глаза, возле зрачков — слабыми серебристыми полулуниями, как рёбра старых монет. И Вермуту вдруг стало отчего-то не по себе, но он не мог не признать: план хорош. И восхитился.

А придумал Текила вот что: на лебёдке оттащить джип «Монтаны» к обрыву, он тут совсем недалеко, и подтолкнуть так, чтоб тот свалился прямо в бурную реку. Сила течения в это время года такова, что машину, даже севшую на камни, проволочёт по ним, пуская с трудом, но достаточно от места, где они разбили лагерь. Таким образом искать какие-то улики и следы пребывания Монтаны будет труднее: поди ищи по всему заповедному лесу. Придётся попотеть, но то же самое надо сделать и с её трейлером: правда, его лучше затолкать не на обрыв, всё же стоит учитывать усилия и недостаток времени. Его можно утопить и на стоянке: лишь бы река полностью скрыла крышу. Со временем он либо увязнет в иле, либо подумают, что его сюда принесло течением. Вон там подальше от берега, сказал Текила, стоит совсем чуточку проплыть, и есть череда больших глубоких ям: там и песок зыбкий, и глубина большая. Илистость такая, что вряд ли кто даже с аквалангом так сразу найдёт трейлер. И он оказался впоследствии прав: в конце концов, когда река лениво протащила его чуть ниже к другому берегу, он двадцать дней просто торчал там никем не замеченным. Спустя столько времени понять, кому он принадлежал, было сложно. Личные документы Монтаны Вермут, Мескаль и Текила нашли и сожгли: так же поступили с некоторыми другими вещами, а так — открыли окна в трейлере, и река всё сделала за них сама.

Они провозились с двумя машинами Монтаны не меньше двух часов и очень торопились. После разговора с Текилой всем вдруг стало казаться, что судьба действительно хочет, чтобы их поймали и разоблачили: порой такие казуистические вещи приключаются, что подумаешь — это невозможно! Но многие преступники попадались именно на этом «невозможно», так что втроём они взялись за дело.

Уже в машине, озябшие и мокрые после ночного купания, Вермут и Мескаль, изрыгая проклятия в адрес Монтаны, из-за которой пришлось наводить столько суеты, допили остатки виски, чтобы немного согреться. Текила отказался: он только переодел кофту и джинсы и, взяв девушку на руки, залез вместе с ней на заднее сиденье джипа. Ему в ноги кинули спящую Малышку. Сначала Вермут хотел милосердно ударить её камнем и раскроить спящей собаке череп, но Текила молча посмотрел на него такими глазами, что Вермут понял — череп раскроят ему. И сам сло-

жил
псину сзади.

Были бы они в кинофильме, всё дальнейшее происходящее зависело бы строго от жанра.

Триллер — и они отпустили бы изнемождённую девушку, чтобы вдоволь повеселиться, охотясь за ней, безоружной и истерзанной, в здешних лесах и на гористых склонах.

Ужасы — обратились бы в древних монстров, а может, оборотней, кто же знает, кем на самом деле, всё зависит от сценария и моды: в те годы была мода на волколаков и демонов, так что возможно, кем-то из этих двух.

Любовная драма — и Монтана оказалась бы давней любовницей одного из них, а может, их главаря, который дожидался её в большом красивом доме на склоне Медвежьей горы. Похищение сопровождала бы трагическая история во главе с Человеком С Разбитым Сердцем. Ну и, может быть, желанием отомстить.

Будь это фильм, снятый по романам Айры Левин или Сидни Шелдона, а может, кого ещё, кто предпочитал смешивать тёмное плотское притяжение с драматическим и криминальным накалом, полным страстей и внезапных сюжетных поворотов, тогда Монтану занесли бы в дом, бросив на толстый ковёр у незажжённого камина. В нём полыхнул бы огонь; её, полуголую, но молодую и прекрасную, окружили бы трое мужчин — трое хищников, которые снова, попеременно или вместе, взяли бы её, чтобы после, когда она ощутит к ним неясную болезненную тягу, смешанную с возбуждением, постановить ряд правил. Условий, по которым она будет существовать с ними бок о бок. Не все из этих правил были бы обыкновенными, часть из них — непременно эротическими, будоражащими, запретными.

Но в жизни всё произошло куда проще и грубее. Текила, прихрамывая, волочил почти на себе полубессознательную Монтану, едва способную двигать оцепеневшими конечностями, и пусть у него получалось и медленнее, он всё-таки затащил её в дом и уложил на большой диван, а после сел рядом, морщась и потирая разболевшуюся ногу. Монтана лежала ни живая ни мёртвая от ужаса, и если в каком-нибудь приключенческом романе или детективе она из последних сил вскочила бы, чтобы спастись от своих истязателей, сейчас не могла даже пальцем пошевелить, только лишь наблюдая за мужчинами и разглядывая комнату, деталь за деталью проступавшую из темноты. Вермут вошёл следом, но не включил верхнего света, так что большая гостиная, совмещённая с кухней и столовой, так и осталась освещаемой только тусклым светом едва проступавшей из-за туч серебряной луны.

Мескаль долго бродил вокруг дома и возле машины, пока Вермут, найдя в барном шкафу ещё виски, угощался им из широкого стеклянного стакана. За льдом идти было лень, и он не гурманствовал: просто накидывался, чтоб ничего не чувствовать и ни о чём не думать несколько часов блаженного забытья. Текила искоса поглядывал на него, будто дожидаясь, что дружок вот-вот надумает сотворить какую-нибудь очередную глупость или что пострашнее, но Вермут, напившись, внезапно сходил за Мескалем и затащил его в дом. Пока они добивали бутылку виски на двоих, совершенно не замечая ни Монтаны, ни Текилы — им до них попросту дела не было — сам Текила сидел очень, очень тихо, а когда выпивка их всё же доконала и парней сморило в сон прямо за стойкой, он повернулся к девушке и внимательно посмотрел на неё — впервые с того момента, как они оказались в доме.

Тогда-то она и поняла, что, даже всей душой желая дать отсюда дёру, не может и пальцем двинуть. На теле проступил пот, хотя ночь была холодной и успела выстудить дом. Каждый человек переживает ужас по-разному, и помимо паралитика, который она проглотила вместе с пивом — и который уже постепенно выводился из организма — Монтана просто не способна была пошевелиться. Тело ломило, как во время сильной температуры. Мышцы крутило судорогами. Тупая боль внизу живота и в придатках пульсировала, как живой зверёк. Она смотрела на человека, который изнасиловал её, в диком страхе, понимая, что он способен на всё что угодно в своём логове — и хуже того, не он один; пускай те двое сейчас в отключке, но они проспятся, и вот их силы снова будут категорически не равны.

Хотя они и так не равны, учитывая, что женщина перед сильным мужчиной беззащитна — одного удара его кулака хватит, чтобы у неё подкосились ноги и поплыла голова. Мужчины бьют беспощадно, их удары злые, они сыплются на тело, как камни, пущенные градом из пращи, и Монтана понимала: будь она трижды готова к нападению, но взрослого здорового мужика, даже одного, ей не осилить. А их было трое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.